ГОША ПРОК

ТЕПЕРЬ ТЫ САМ...

ТОМ 2

18+

Гоша Прок

Теперь ты сам. Том 2

«Автор»
2026

Прок Г.

Теперь ты сам. Том 2 / Г. Прок — «Автор», 2026

Москва, 1994 год.Чужая жизнь окончательно стала его собственной. Теперь никто не принимает решения за Владимира — и отвечать за них тоже приходится самому.Небольшой бизнес, попытка вернуть отношения с детьми, новая женщина и странная работа на человека из государственных структур могли бы стать началом нормальной жизни. Но простая просьба найти исчезнувшего инженера приводит Владимира к приватизируемому заводу, большим деньгам, криминалу и людям, которые предпочитают, чтобы некоторые документы и некоторые свидетели исчезали навсегда.Он по-прежнему не агент, не бандит и не герой. Просто человек, который слишком часто находит третий выход там, где другим видны только два.

© Прок Г., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 6
ГЛАВА 2 14
ГЛАВА 3 25
ГЛАВА 4 33
ГЛАВА 5 37
ГЛАВА 6 46
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Гоша Прок
Теперь ты сам. Том 2

ТЕПЕРЬ ТЫ САМ
Том 2.
Автор: Гоша Прок

ГЛАВА 1
ТЕПЕРЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО САМ

Игорь Павлович проснулся и сразу понял, что случилось что-то нехорошее. А именно - ничего. Вот то то и оно — ничего не случилось. Никто не стрелял, не ломился в дверь, не бил по голове, не тащил куда-нибудь силком и даже не задавал вопросов, на которые желательно отвечать быстро и правильно, потому что второй попытки может не быть. За стеной кто-то кашлял. На улице натужно заводилась машина. В трубе отопления что-то булькало, словно там медленно варили очень большого рака. Обычное утро. Игорь Павлович лежал неподвижно, уставившись в потолок. Потом сказал мысленно:

— Ну что, Володя?

Никто не ответил.

— Подъём. Хватит дрыхнуть.

Тишина. Игорь Павлович подождал. Это было глупо. Он прекрасно знал, что Владимира больше нет. Вчера, позавчера и третьего дня тоже знал. Но знать — одно, а привыкнуть — совсем другое. Если рядом с человеком пятьдесят лет спит жена, он ещё долго после её смерти просыпается на своей половине кровати. А Владимир прожил с Игорем Павловичем куда меньше, зато гораздо теснее — ближе уже не бывает.

— Эй, хозяин, — попробовал Игорь Павлович ещё раз. — Я, между прочим, без разрешения твоим организмом пользуюсь.

Ноль.

— Ну и хрен с тобой.

Получилось сердито. Игорь Павлович закрыл глаза, прислушался уже не ушами, а куда-то внутрь. Раньше там всегда кто-то был. Не голос даже. Присутствие. Владимир мог молчать, спать, думать о своём, Игорь Павлович мог его ругать, поучать, удивляться очередной глупости, но существовала совершенно определённая граница: вот это — тот, а вот это — другой. Теперь граница исчезла вместе с одним из участников. Свободного места почему-то больше не стало. Наоборот, словно в комнате вынесли большой шкаф, который страшно мешал, перекрывал половину окна и всё время цеплял углом, а когда вынесли — оказалось, что без него комната пустая. Игорь Павлович сел. Спина не заболела.

Это уже почти перестало удивлять. Девяносто четыре года учили человека вставать постепенно: сначала открыть глаза, потом оценить, что сегодня болит сильнее всего, пошевелить пальцами, ногами, определить, хочет ли организм жить дальше, и только получив общее согласие заинтересованных органов, приступать к подъёму. А тут — сел. Просто сел. И ничего. Спина гнулась, шея поворачивалась, ноги находились там, где им положено, а не там, куда их ночью перекосило. Сердце вообще вело себя безобразно — молчало и работало. Игорь Павлович свесил ноги с дивана и несколько раз пошевелил пальцами.

— Молодой организм, — сказал он вслух.

Голос получился владимирский. Вот с голосом было хуже всего. К лицу можно привыкнуть. Руки перед глазами тоже постепенно становились знакомыми. Но каждый раз, когда Игорь Павлович произносил что-нибудь вслух, отвечал ему Владимир. Он встал и пошёл к маленькому зеркалу над умывальником. Комнату эту снял не он — её на несколько дней устроили люди Николая Евгеньевича. Вернее, людей Игорь Павлович не видел. Просто после одного звонка выяснилось, что по такому-то адресу его ждёт ключ, а хозяйка комнаты уехала к дочери и на неделю вполне согласна поселить «родственника из области».

Кем именно Игорь Павлович приходился этой женщине — племянником, братом, незаконнорождённым сыном или американским дядюшкой, — никто не уточнил. Хозяйка тоже

отсутствовала. Очень удобное родство. В зеркале обнаружился всё тот же мужчина. Ничего особенного. Лет сорок с небольшим. Лицо немного осунулось после последних приключений, на скуле ещё желтел остаток синяка, под глазом проходила тонкая царапина. Щетина отросла. Волосы требовали хотя бы расчёски, а лучше парикмахера. Игорь Павлович наклонился ближе. Мужчина тоже. Повернул голову. Тот повторил. Поднял бровь. Точно.

— Ну и рожа, Володя.

И вдруг лицо само собой чуть перекосилось — правая щека втянулась внутрь, зубы прикусили её изнутри. Игорь Павлович замер. Он этого не делал. То есть, конечно, сделал. Кто же ещё? В комнате один человек, и тот отражается в зеркале. Но привычка была не его. Владимир так делал, когда задумывался. Прикусывал щёку и чуть наклонял голову вправо. Игорь Павлович медленно разжал зубы.

— Это ещё что?

Зеркало ответа не дало. Память услужливо подсказала, что Владимир делал так с самого детства. Мать даже ругала его: «Вовка, перестань рожи корчить, так и останешься». Вот и остался. Игорь Павлович отошёл от зеркала и сел на край дивана. Интересно получалось. Владимира нет. А привычка есть. И не только привычка. Игорь Павлович закрыл глаза и попробовал вспомнить школу Владимира. Пожалуйста. Длинный коридор. Коричневый линолеум. Окна слева. В конце лестница. Кабинет физики на втором этаже, химии — дальше. Физичку звали… Анна Ивановна. Нет, погодите. Анна Васильевна. Точно. Толстая, добрая, с огромной грудью, на которой любые бусы лежали почти горизонтально.

Однажды Вовка разбил у неё какую-то стеклянную штуковину. Какую? Память поискала и выдала: амперметр. Игорь Павлович открыл глаза. Он никогда в этой школе не был. Вообще. Другой район, другой возраст, другая жизнь. А амперметр помнил. Теперь Машка. Совсем молодая, лет двадцать. Светлое платье. Волосы собраны на затылке. Смеётся и почему-то сердится одновременно. Откуда картинка? Дача приятеля. Лето. Комары. Она впервые разрешила проводить себя до станции. Следующее. Димка в роддоме. Точнее, не в роддоме, рядом — тогда отцов внутрь особенно не пускали. Машка показывает свёрток из окна, а Владимир снизу ни черта не видит, но машет руками, как будто ребёнок способен его различить с четвёртого этажа.

Ещё. Жанночка. Маленький велосипед. Парк.

— Не отпускай! Папа, не отпускай!

Владимир бежит сзади, держится за седло.

— Не отпущу.

А сам уже отпустил. Жанна едет. Три метра. Пять. Десять. Потом зачем-то оглядывается, обнаруживает предательство родного отца и немедленно падает. Рёв. Разодранное колено. Кровь. Владимир несёт велосипед одной рукой, Жанну другой, и сердце колотится так, будто ребёнок как минимум сломал позвоночник. Игорь Павлович открыл глаза. Ладони вспотели. Вот тебе и «чужие воспоминания». Очень даже свои ощущения. Мало того — сейчас он совершенно точно знал, где именно Жанна упала. Мог дойти до того места. Мог показать дерево, возле которого стояла скамейка. Помнил даже, что по дороге домой купили мороженое, хотя Машка потом ругалась: ребёнок простужен, коленка разбита, а отец лечит пломбиром.

Игорь Павлович задумался. Человек умер, но барахло своё не забрал. Вещи оставил. Память. Детей. Жену, пусть бывшую. Знакомых. Ошибки. Долги, может быть. Привычку жевать щёку. И тело. Последнее особенно. Очень странное наследство. Игорь Павлович поднялся и стал собирать свои немногочисленные вещи. Их было так мало, что вся жизнь Владимира помещалась в одну сумку. Правда, после недавней беготни часть имущества вообще исчезла неизвестно где, часть уничтожена, часть лучше было никогда больше не видеть. На дне обнаружилась старая обувная губка. Игорь Павлович хмыкнул. Губка пережила бандитов.

Рядом лежала отвёртка. Какая-то мелочь. Две пары носков. Записная книжка. И — красная / синяя лыжная шапочка.

Игорь Павлович достал её двумя пальцами. Вот уж предмет. Когда он впервые увидел эту систему владимирской маскировки, хотелось смеяться. Синяя шапочка — один человек. Красная — совсем другой. Штирлиц отдыхает. Ни накладных усов, ни париков, ни паспортов на имя инженера Исаева. Просто нахлобучил красную шапку и растворился среди населения. Самое противное — работало. И не один раз. Игорь Павлович покрутил шапку в руках.

— Ну что, Володя, — сказал он. — Не Джеймс Бонд ты был, конечно.

Хотел добавить что-нибудь ехидное. Не добавил. Аккуратно сложил шапочку обратно.

— Но кое-что понимал.

Ну, ладно, что было, то прошло. И вообще, происходящее настолько отличалось от прошлой жизни, что возникал вопрос: а какая жизнь настоящая? Какая-то из них не жизнь, а имитация. Типа, как прочитал книгу и закрыл том. Так и история с кассетой прошла, как том, в котором смешались детектив и триллер. Прошло – и прошло. Тут главное, чтобы дальше не было «том 1», «том 2»… Тихая гавань, никаких угроз и погонь, оружия и смертей. Хотя… наследие тома 1 осталось с ним с разных сторон, и чем это обернется в дальнейшем – сказать невозможно. Но намеки все-таки есть, и они не очнь-то радуют.

В дверь постучали. Игорь Павлович оказался у стены раньше, чем успел подумать. Вот прямо так. Секунду назад стоял возле дивана, а теперь — сбоку от двери, так, чтобы человек из коридора не видел его сразу после открытия. Правая рука машинально поискала оружие. Оружия не было. И слава богу. Стук повторился.

— Кто?

— К вам.

Замечательный ответ. Особенно если учесть, сколько народу за последнюю неделю приходило именно «к нему» и с какими намерениями. Игорь Павлович посмотрел на окно. Второй этаж. Прыгать можно, но незачем торопиться. Всё-таки времена немного изменились — три дня как никто не пытался его убить. Рекорд.

— Кто именно?

За дверью слегка помолчали.

— От Николая Евгеньевича.

Уже лучше. Хотя, если бы Игорь Павлович собирался к кому-нибудь вломиться, тоже сначала назвал бы знакомое имя. Он осторожно открыл замок, оставляя дверь на цепочке. На площадке стоял мужчина лет тридцати пяти. Обычный. Серое пальто, тёмная шапка, лицо из тех, которые через две остановки метро уже не вспомнишь. В руках — ничего. Что, конечно, совершенно не означало, что ничего нет в карманах. Мужчина посмотрел на щель.

— Владимир?

Игорь Павлович не ответил.

— Николай Евгеньевич просил передать.

Мужчина показал небольшую связку ключей.

— Что это?

— Ключи.

— Это я определил. От чего?

Впервые на лице посетителя появилось что-то похожее на выражение. Не улыбка. Скорее, лёгкая усталость от общения с человеком, которому всякий предмет необходимо сначала разобрать на составные части.

— От квартиры.

Игорь Павлович снял цепочку. Мужчина протянул ключи и сложенный листок.

— Здесь адрес. Сегодня можете переехать.

— Чья квартира?

— Не знаю.

— А кто знает?

— Николай Евгеньевич.

— А он скажет?

— Не знаю.

Очень информированный молодой человек. Игорь Павлович развернул бумажку. Адрес. Больше ничего.

— И всё?

— Пока всё.

Слово «пока» прозвучало нехорошо. Впрочем, последние дни Игорь Павлович вообще стал чувствителен к словам. Особенно к «пока», «пойдёмте», «поговорим», «ничего страшного» и «оружие положите на стол».

— Николай Евгеньевич ничего больше не передавал?

— Передавал. Сегодня отдыхать. Завтра с вами свяжутся.

— А если я уйду?

Мужчина пожал плечами.

— Уходите.

— А если далеко?

— Владимир…

Он, наконец, улыбнулся. Совсем чуть-чуть.

— Николай Евгеньевич сказал, что вы обязательно спросите что-нибудь в этом роде.

— И что отвечать?

— Что это ваше дело.

— Правда?

— Наверное.

Игорь Павлович посмотрел на него внимательнее.

— Вы сами-то верите?

Мужчина подумал.

— Не очень.

После чего повернулся и пошёл к лестнице. Игорь Павлович закрыл дверь. Посмотрел на ключи. Потом снова открыл. Мужчина уже спускался.

— Молодой человек!

Тот обернулся.

— А квартира хоть с ванной?

На этот раз он улыбнулся совершенно нормально.

— С ванной.

— Тогда передайте Николаю Евгеньевичу, что на первое время я готов сотрудничать.

— Передам.

Вот так человека и покупают. Не деньгами. Ванной. Хм-м-м…

Помяни черта – и вот он на пороге. Кажется, начинается том 2. Через час Игорь Павлович стоял перед новым домом. Дом был самым обыкновенным. Не сталинская высотка, не номенклатурная крепость и не секретная явка с пулемётными гнёздами на балконах. Девятиэтажка. Серая. Таких в Москве тысячи. Перед подъездом две старушки на скамейке, хотя для сидения погода была не самая подходящая. Но отечественная старушка — существо всесезонное. Ей и двадцать градусов мороза нипочём, если есть возможность первой определить, кто к кому пришёл и по какой причине. Игорь Павлович прошёл мимо. Старушки проводили взглядом. Вот и первая наружка.

Подъезд пах кошками, варёной капустой и чем-то строительным. Лифт работал. Уже роскошь. Квартира находилась на шестом этаже. Игорь Павлович вставил ключ. Не вошёл.

Сначала прислушался. Тишина. Открыл дверь и постоял сбоку. Тоже тишина. Потом только сообразил, чем занимается. Нормальный человек, получив ключи от квартиры, радуется. Ненормальный проверяет, не сидит ли за дверью человек с пистолетом. Справедливости ради — ещё неделю назад такая проверка выглядела не паранойей, а элементарной гигиеной. Игорь Павлович вошёл. Однокомнатная. Небольшая прихожая. Справа кухня. Прямо комната. Ванная и туалет отдельно, что вообще приводило жилище почти в дворцовый разряд.

В комнате стояли диван, шкаф, два кресла, стол, телевизор и небольшая полированная стенка. Мебель не новая, но приличная. На полу ковёр. Настоящий ковёр, а не линолеум с загнутыми краями, о который Владимир два года собирался споткнуться насмерть. Игорь Павлович медленно прошёл по квартире. Проверил окно. Шестой этаж. Плохо. Если придётся уходить через него, сотрудничество с Николаем Евгеньевичем окажется очень коротким. Балкон. Лучше. Соседний балкон метрах в двух. Теоретически перепрыгнуть можно. Практически лучше сначала написать завещание. Дверь на кухню. Форточка. Вентиляция. Замок. Телефон. Игорь Павлович остановился посреди комнаты.

— Совсем рехнулся.

Первое, что он сделал в собственной — пусть и условно собственной, — квартире, было не проверить постель и даже не посмотреть, показывает ли телевизор. Он искал пути отступления. Человек получил жильё. Человек думает, как из него убежать. Непорядок. Игорь Павлович вернулся к входной двери и несколько раз попробовал замок. Закрыл. Открыл. Ещё раз закрыл. Хороший. Главное — один. За дверью нет Генки. Нет Людки. Нет Лариски. Никто не бросит сапоги поперёк коридора. Никто не станет орать у телевизора. Никто не приведёт ночью собутыльников. И никто не сможет сказать: «Вовка, открой, я ключ потерял». Игорь Павлович ещё раз повернул ключ. Щёлк. Тишина.

Вот тут новая квартира понравилась по-настоящему. На кухне обнаружился холодильник. Большой, белый, гудящий. Игорь Павлович открыл. Внутри горела лампочка. Кроме лампочки — ничего. Он заглянул на верхнюю полку. Потом на нижнюю. Зачем — непонятно. Если колбасы нет сверху, вряд ли она из застенчивости спряталась в овощном ящике. Пусто. Игорь Павлович закрыл дверцу. Открыл опять. Результат тот же.

— Вот ведь.

Новая жизнь упёрлась в первую практическую проблему. Жрать нечего. Можно было, конечно, считать, что великий поворот судьбы требует философского осмысления. Новое тело. Другая эпоха. Исчезновение Владимира. Тайное сотрудничество с неведомой государственной структурой. Но организм считал иначе. Организму требовалась колбаса. Через двадцать минут Игорь Павлович стоял в магазине. Очередь тянулась от прилавка почти до двери. За прилавком лежали сыр, колбаса, масло, какие-то консервы. Ничего особенного. И всё почему-то выглядело празднично. Перед Игорем Павловичем две женщины обсуждали цены.

— Я тебе говорю, к Новому году опять поднимут.

— Куда уже?

— А им всё мало.

Сзади мужчина недовольно сопел, периодически прижимаясь сумкой к спине. Кто-то пытался пройти без очереди. Немедленно началась маленькая война.

— Женщина, вас здесь не стояло!

— Я только спросить!

— Все только спросить!

— А чего вы орёте?!

Игорь Павлович слушал и почему-то улыбался. Никаких бандитов. Никаких кассет. Никакой погони. Высшая степень угрозы общественному порядку — тётка в зелёном берете, пытающаяся купить масло без очереди. Удивительный мир. И ведь буквально несколько дней назад именно таким миром жила почти вся Москва. Люди ругались из-за цен, ждали автобусов,

забирали детей из школы, ходили на работу и совершенно не представляли, что в пяти остановках от них один идиот носится с видеокассетой, а за ним половина уголовного населения города. Игорь Павлович купил колбасу, хлеб, масло, яйца, пачку макарон, чай, сахар и зачем-то банку сгущёнки. Сгущёнку Владимир любил с детства. Игорь Павлович — не особенно.

Но рука сама положила банку в корзину. У кассы он посмотрел на неё.

— Ладно. Живи.

Продавщица настороженно глянула. Игорь Павлович сделал вид, что разговаривает не со сгущёнкой. Дома он разложил продукты. Колбасу — на полку. Масло — туда же. Яйца — в специальную решётку на дверце. Сгущёнку поставил отдельно. Получилось уютно. Настолько уютно, что даже подозрительно. Игорь Павлович сварил макароны, поджарил два яйца, отрезал колбасы. Поесть можно было и лучше, но сама возможность спокойно готовить ужин казалась роскошью. Телевизор работал. По какой-то программе кто-то серьёзно обсуждал политику. Игорь Павлович послушал минут пять и выключил звук.

За девяносто четыре года он выяснил одну замечательную особенность политики: если подождать лет двадцать, почти все очень важные сегодняшние споры перестают иметь хоть какое-нибудь значение. Зато макароны пережарить можно прямо сейчас. Он поел. Вымыл тарелку. Поставил чашку сушиться. Сел в кресло. И обнаружил, что делать больше нечего. Совсем. Игорь Павлович посмотрел на часы. Без десяти семь. Рано. Можно читать. Книг почти нет. Можно смотреть телевизор. Не хочется. Можно позвонить Машке. Не сегодня. Почему — он и сам толком не понимал.

Может быть, потому, что там всё было сложнее бандитов. Бандит хотя бы сразу объясняет, чего хочет. Машка могла одним взглядом напомнить Владимиру половину его прежней жизни, а Игорю Павловичу — что эта жизнь ему не принадлежит. Можно лечь спать. В семь вечера. Прекрасная идея для девяносточетырёхлетнего старика. Но в зеркале сидит мужик сорока двух лет и, судя по организму, совершенно не собирается отходить ко сну вместе с программой «Время». Игорь Павлович включил звук. Через пять минут выключил. Подошёл к окну. Во дворе дети что-то кричали. Мужчина ковырялся под капотом «Жигулей». Женщина тащила сумки. Из подъезда напротив вышла собака, вслед за ней хозяин. Обычная жизнь.

Игорь Павлович вдруг прислушался. На лестнице шаги. Прошли выше. Лифт остановился этажом ниже. Хлопнула дверь. Во дворе затормозила машина. Снова шаги. Каждый звук отмечался отдельно. Не страх даже. Готовность. Организм будто ждал команды. Сейчас. Вот сейчас начнётся. Но ничего не начиналось. Прошло десять минут. Пятнадцать. Полчаса. Игорь Павлович почувствовал себя неуютно. Когда человек долго находится рядом с железной дорогой, он перестаёт замечать поезда. А если поезда вдруг перестают ходить, просыпается от тишины. Вот и сейчас. Последние дни были сплошным грохотом. Погони. Выстрелы. Чужие лица. Деньги. Страх. Убийства. Поиск выхода. Снова страх. Снова выход.

Человек привыкает ко всему, особенно если не успевает подумать. А теперь думать разрешили. Зря. Игорь Павлович снова подошёл к зеркалу. В отражении был всё тот же Владимир. Нет. Не так. В отражении было его тело. Вот только кого именно — «его»? Игорь Павлович вдруг представил, что будет через год. Через пять. Через десять. Мысль оказалась настолько непривычной, что пришлось сесть. В девяносто четыре года будущее измеряется иначе. Не годами. До весны. До Нового года. До следующего обследования. До момента, когда перестанешь ходить самостоятельно. Очень дальняя перспектива — следующий день рождения, если врачи настроены оптимистично. А сейчас организму сорок два.

Допустим, не случится никакой новой ерунды с бандитами, государственными тайнами, автомобилями и огнестрельным оружием. Что тогда? Пятьдесят. Шестьдесят. Семьдесят. Может, восемьдесят. Игорь Павлович даже тихо присвистнул. Это же ещё одна жизнь целиком. Почти столько, сколько нормальному человеку дают с самого начала. Только этому человеку достался комплект б/у: тело Владимира, воспоминания Владимира, бывшая жена

Владимира, дети Владимира и сам Игорь Павлович в качестве программного обеспечения. Интересно, гарантия предусмотрена? Телефон зазвонил так резко, что Игорь Павлович вскочил. Сердце ударило в грудь. Раз. Два. Телефон звонил. Николай Евгеньевич. Конечно. Кто ещё знает номер?

Значит, началось. Игорь Павлович в два шага оказался возле аппарата, но трубку сразу не снял. Звонок. Ещё. Он посмотрел на дверь. На окно. На часы. Очень глупо. Телефон — не граната. Хотя после последних событий лучше ничего не утверждать наверняка. На шестом звонке Игорь Павлович снял трубку.

— Да?

В трубке зашуршало. Потом старческий женский голос спросил:

— Галочка?

Игорь Павлович молчал.

— Галочка, это ты?

— Нет.

— А Галочку можно?

— Здесь Галочки нет.

Пауза.

— Как нет?

Игорь Павлович посмотрел на аппарат, словно тот мог объяснить.

— Обыкновенно. Не проживает.

— Молодой человек, это квартира двадцать семь?

— Не знаю.

— Как не знаете?

Хороший вопрос. В собственной квартире человек обязан знать номер. Игорь Павлович поискал глазами какую-нибудь подсказку. Не нашёл.

— Подождите.

Он положил трубку на стол, не отключая, вышел в прихожую, открыл дверь и посмотрел на номер снаружи. Тридцать четыре. Вернулся.

— Тридцать четыре.

— Ой!

Старушка на другом конце даже обрадовалась.

— Значит, я неправильно набрала.

— Похоже.

— Извините, молодой человек.

Молодой человек. Игорь Павлович усмехнулся.

— Ничего.

— А то у меня Галочка в двадцать седьмой, я ей с утра звоню…

Началась история Галочки. Почему она не отвечает. Что у неё давление. Что зять нехороший человек. Что внучка собралась поступать неизвестно куда. Игорь Павлович сначала хотел вежливо закончить разговор. Потом передумал. Стоял, держал трубку и слушал совершенно незнакомую старуху. Она говорила минуты две. Может, три. Наконец спохватилась:

— Ой, что это я вам всё рассказываю. Извините ещё раз.

— Ничего страшного.

— Спокойной ночи.

— И вам.

Гудки. Игорь Павлович медленно положил трубку. Постоял. Потом почему-то начал смеяться. Без причины. Или как раз по очень хорошей причине. Николай Евгеньевич не звонил. Нового задания нет. Бандиты не нашли. Старушка просто ошиблась номером. В мире всё ещё существовали люди, которые звонили не потому, что хотели тебя использовать, запугать, убить

или куда-нибудь отправить. Некоторые просто искали Галочку. Игорь Павлович сел в кресло. Посмотрел на тёмное окно. За ним жила Москва девяносто четвёртого года — грязная, нервная, бедная, опасная. Та самая Москва, из которой он когда-то ушёл в будущее, прожил ещё тридцать лет, состарился и умер. Теперь она каким-то образом вернула его обратно.

Не совсем его. Не совсем обратно. Но уж как сумела. В квартире было тихо. И впервые эта тишина не казалась пустотой. Игорь Павлович подумал о завтрашнем дне. Завтра можно было сходить к Машке. Можно было поискать работу. Можно было просто пройтись по Москве. Можно было вообще ничего не делать. Никто пока не требовал решения. Странное слово — «завтра». В девяносто четыре года оно постепенно превращается из обещания в предположение. А здесь, в сорок два, снова становилось планом. Игорь Павлович выключил свет и лёг. Перед самым сном он по старой привычке прислушался внутрь.

— Володя?

Тишина. На этот раз Игорь Павлович не стал звать второй раз. Повернулся на бок, сунул руку под подушку и закрыл глаза. Наверное, завтра действительно могло ничего не случиться. И он пока совершенно не понимал — хорошо это или плохо.

ГЛАВА 2
ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕТ

Игорь Павлович проснулся в половине седьмого и минут пять лежал, пытаясь понять, какого черта так рано. На работу не надо. Бандиты, судя по всему, выходной взяли. Николай Евгеньевич обещал связаться, но ни времени, ни формы связи не уточнил, а значит, вполне мог дать человеку поспать хотя бы часов до девяти. Тем более человек только что родился во второй раз, а это, если разобраться, мероприятие довольно утомительное. Тем не менее, сон ушел окончательно. Игорь Павлович встал.

Нет, все-таки замечательное изобретение — молодое тело. Можно проснуться, встать и пойти. Без промежуточных операций. В девяносто четыре года он иногда минут десять собирал себя по частям: сначала ноги, потом спину, потом голову, а уж если всё это заработало одновременно — считай, день удался. А здесь даже обидно. Организм вполне готов к трудовым подвигам, а подвигов никто не заказал. Игорь Павлович прошел на кухню, поставил чайник, достал вчерашнюю колбасу. Нарезал. Сыр положил отдельно. Хлеб накрыл полотенцем. Чай поставил справа от тарелки. Потом вдруг остановился.

На стуле у двери уже висели брюки и рубашка. На тумбочке лежали ключи, деньги и документы. Сумка стояла так, чтобы её можно было схватить, не заходя обратно в комнату. Куртка висела поверх остальных вещей, а не под ними. Игорь Павлович медленно оглядел хозяйство. Сам всё это сделал. Вчера вечером. Не задумываясь. Да что же такое — новая квартира за одну ночь превратилась в стартовую площадку для бегства. Нормальные люди перед сном кладут возле кровати тапочки. Игорь Павлович положил фонарик. Зачем? Электричество могут отключить. Кто? Неизвестно. Почему? Тоже неизвестно. Главное — быть готовым. Игорь Павлович вздохнул, взял фонарик и демонстративно переложил его в ящик.

Потом подумал и вернул обратно. Пусть лежит. Есть не просит. Чайник засвистел. Телефон зазвонил почти одновременно. Игорь Павлович посмотрел на него. Ну вот. Дождался. Вчера Галочка, сегодня, скорее всего, уже государство. Он снял трубку.

— Владимир?

Голос незнакомый.

— Допустим.

— Николай Евгеньевич просил быть в одиннадцать по адресу...

Игорь Павлович взял карандаш.

— Медленнее. Я человек немолодой.

Собеседник назвал улицу и номер дома.

— А чего там?

— Вам скажут.

— Кто?

— Николай Евгеньевич.

— А вы кто?

Пауза.

— Вам это зачем?

— Любопытный.

На той стороне явно не оценили.

— В одиннадцать.

— Понял.

— Не опаздывайте.

— Никогда.

Трубку положили. Игорь Павлович ещё немного подержал свою. Интересные люди. Все знают, куда ему идти, когда прийти, что делать, и только главный участник мероприятия, то есть сам Игорь Павлович, каждый раз находится в счастливом неведении. С другой стороны, может, это и правильно. Меньше знаешь — крепче спишь. Хотя вот сегодня крепче поспать не получилось. До одиннадцати было больше трех часов, так что Игорь Павлович не спеша позавтракал, побрился, несколько раз переоделся и, в конце концов, выбрал обычные брюки, свитер и куртку. Перед выходом зачем-то сунул в сумку красную шапочку. Постоял. Поморщил лицо. Вынул. Опять сунул.

Нет, все-таки привычки Владимира имели неприятное свойство становиться разумными именно после того, как над ними уже вдоволь посмеялись. До места Игорь Павлович добрался за сорок минут до назначенного времени. Так получилось. Вообще, человек, имеющий встречу в одиннадцать, должен приходить без пяти. Максимум без десяти, если воспитан советской властью и напуган возможностью заставить ждать начальство. Но Игорь Павлович вышел заранее. Потом приехал заранее. А раз приехал — чего стоять как столб? Прошел мимо нужного дома. Завернул за угол. Посмотрел двор. Другой выход. Арка. Подъезды. Магазинчик. Через дорогу автобусная остановка.

В общем, обычная городская география, которая всего пару недель назад совершенно не занимала ни Владимира, ни Игоря Павловича, а теперь почему-то сама раскладывалась в голове на варианты: сюда войти, отсюда выйти, здесь затеряться, там машина не пройдет. Вот что делает с человеком активная культурная программа с погонями и стрельбой. Игорь Павлович купил газету и устроился возле витрины какого-то магазина. Почитал заголовки. Потом через газету посмотрел на прохожих. Никого интересного. Еще пять минут. Опять никого. Он уже собрался решить, что окончательно превратился в идиота, когда рядом прозвучало:

— Давно меня заметили?

Игорь Павлович чуть не выронил газету. Слева стоял мужчина лет сорока. Когда подошел? Хрен его знает. Среднего роста, не толстый, не худой. Короткие темные волосы. Серое пальто. Шарф. Лицо совершенно нормальное. Увидишь утром в автобусе — вечером даже жене не расскажешь. Игорь Павлович посмотрел на него.

— Сейчас.

— Хорошо.

— Чего хорошего?

— Не стали врать.

Мужчина протянул руку.

— Алексей Бессонов.

Игорь Павлович пожал. Рука сухая, крепкая, но не такая, чтобы специально показать силу.

— Владимир.

— Знаю.

— Тогда зачем представлялся?

Бессонов впервые слегка улыбнулся.

— Вежливость.

— А-а. Я уж думал, у вас положено.

— У нас много чего положено.

— А рассказывают мало.

— Это тоже положено.

Не понравился он Игорю Павловичу. Совершенно. Не потому что грубый — как раз наоборот. Не потому что опасный — с первого взгляда не скажешь. Просто Бессонов был из тех людей, которые заранее знают, где будет стоять стул, куда ты сядешь и что спросишь через

пять минут. А Игорь Павлович таких всегда слегка недолюбливал. Наверно, потому что сам обычно узнавал, куда сел, уже после того, как стул под ним ломался.

— Пойдемте, — сказал Бессонов.

— Куда?

— Вы же пришли к Николаю Евгеньевичу.

— Пришел.

— Вот и пойдемте.

— Логично.

Они прошли во двор. Интересно — Игорь Павлович только что этот двор осматривал, но Бессонова не видел. Может, тот сидел в машине. Может, в подъезде. А может, все время стоял за спиной и терпеливо наблюдал, как новоявленный разведчик листает газету вверх ногами. Игорь Павлович быстро посмотрел на газету. Нет. Правильно держал. Уже легче. Здание оказалось обычным административным. Никаких табличек с названием грозного учреждения. Вахтерша на входе вязала что-то серое и даже головы не подняла, когда Бессонов показал удостоверение. На второй этаж. Коридор. Дверь. Еще дверь. Игорь Павловичу вдруг пришло в голову, что он понятия не имеет, где находится.

То есть, адрес знает. А вот куда пришел — нет. Очень удобная организация. Особенно если потом понадобится доказывать, что никогда тут не был. Николай Евгеньевич сидел за столом. Сегодня без своих фокусов с пистолетом-зажигалкой, что уже само по себе улучшало настроение. На столе бумаги, телефон, пепельница, сигареты. Обычный кабинет обычного чиновника среднего ранга. Если не знать, чем хозяин занимается, можно решить, что заведует снабжением, строительством или распределением путевок в ведомственный санаторий.

— Проходите, Владимир.

Игорь Павлович сел. Бессонов остался стоять возле окна.

— Алексей уже представился?

— Представился.

— Как впечатление?

Игорь Павлович оглянулся на Бессонова.

— Подозрительный.

Николай Евгеньевич рассмеялся. Бессонов — нет.

— Леша, слышал?

— Слышал.

— Огорчился?

— Очень.

По лицу этого не скажешь.

— Ну, хорошо, — Николай Евгеньевич подвинул пепельницу, закурил. — Давайте сразу определимся, чтобы потом не было взаимных разочарований. На службу мы вас не берем.

Игорь Павлович чуть подумал.

— А я просился?

— Нет.

— Тогда пока никаких разочарований.

— Это хорошо. В штат вы нам и не нужны.

— Вот сейчас уже начинает становиться обидно.

Николай Евгеньевич выпустил дым и посмотрел куда-то мимо него.

— Видите Бессонова?

Игорь Павлович оглянулся.

— Пока вижу.

— Алексей профессиональный сотрудник. Учился, служил, потом снова учился, имеет специальную подготовку, опыт оперативной работы, умеет стрелять, водить машину, вести

наблюдение, обнаруживать наблюдение, знает массу вещей, половина которых вам вообще никогда не понадобится.

— Очень рад за Алексея.

Бессонов опять никак не отреагировал. Может, у него мимические мышцы на служебном положении экономии находились.

— Допустим, — продолжил Николай Евгеньевич, — мы возьмем вас и лет пять будем всему этому учить.

— Мне сорок два.

— Именно.

— Пока закончите, я уже на пенсию соберусь.

— В нашем ведомстве это не самый большой недостаток. Но дело даже не в возрасте. Через пять лет из вас получится плохой Бессонов.

Игорь Павлович снова посмотрел на образец.

— Спасибо. Особенно приятно, что при нем.

— Леша не обидчивый.

— Я заметил.

— А зачем мне плохой Бессонов, если хороший уже есть?

Вопрос был настолько разумный, что спорить не хотелось.

— Тогда зачем вам я?

Николай Евгеньевич улыбнулся.

— Вот это как раз интереснее.

Он поднялся, прошел к окну, встал рядом с Бессоновым.

— Вы делаете все неправильно.

— Спасибо.

— Не обижайтесь. Это комплимент.

— У вас своеобразные методы повышения самооценки.

— Профессионал, когда за ним гонятся, действует по определенной схеме. Отрывается от наблюдения. Меняет транспорт. Проверяет хвост. Идет на запасную квартиру. Использует заранее подготовленные документы. Связывается с группой.

— А я?

— А вы прыгаете в бетонный короб.

Игорь Павлович поморщился. Неприятное воспоминание.

— Потом убиваете трех человек люковой крышкой.

— Не специально всех крышкой.

— Простите. Один получил камнем.

— Вот.

— Существенная поправка.

Бессонов отвернулся к окну. Игорь Павлович заподозрил, что тот все-таки улыбается.

— Потом, — продолжал Николай Евгеньевич, — прячетесь в подвале. Покупаете оружие. Устраиваете драку на Горбушке. Снова кого-то убиваете. Снова исчезаете. Появляетесь там, где вас никто не ищет. Причем половина ваших решений объективно идиотские.

— Ну спасибо!

— Я еще не закончил. Вторая половина настолько нестандартна, что профессионал до нее не додумается.

Игорь Павлович задумался.

— Это уже больше похоже на похвалу.

— Это и есть похвала.

— А где граница между идиотским решением и нестандартным?

Николай Евгеньевич сел.

— В результате.

— Очень научно.

— Зато точно.

Игорь Павловичу вдруг стало смешно. По существу этот человек предлагал ему работу на основании того, что он несколько дней подряд творил черт знает что, но все-таки остался жив. Интересная квалификация. Можно в трудовой книжке записать: «Специалист по выкручиванию из полной задницы».

— Значит, — сказал Игорь Павлович, — я буду у вас кем-то вроде дурака по вызову?

Бессонов кашлянул. Николай Евгеньевич довольно долго смотрел на Игоря Павловича.

— Если хотите, можете считать и так.

— Не хочу.

— Тогда внештатным помощником.

— Уже солиднее.

— Только удостоверения не будет.

— Почему?

— Потому что вы внештатный.

— Логично.

— Оружия служебного постоянно тоже не будет.

Игорь Павлович удивился.

— А как же я?

Николай Евгеньевич поднял бровь.

— Что — вы?

— Ну, мало ли.

— Вот именно. Мало ли. После того количества оружия, которое прошло через ваши руки за последнюю неделю, я предпочитаю некоторое время держать вас подальше от пистолетов.

— Я вообще-то не виноват.

— Конечно.

— На меня нападали.

— Верю.

— А звучит так, будто нет.

— Владимир, если вы однажды придете сюда и скажете: «Николай Евгеньевич, я совершенно случайно нашел пулемет», я даже не удивлюсь.

— Пулемет мне не нужен.

— Слава богу.

Игорь Павлович немного подумал.

— А деньги?

Вот. Добрались до главного. Можно сколько угодно рассуждать о долге, государстве, нестандартном мышлении и прочей высокой материи, но жрать человек хочет независимо от политического строя. Николай Евгеньевич назвал сумму. Игорь Павлович прикинул. Неплохо. Очень даже. По нынешним-то временам. Не богатство, но жить можно совершенно спокойно.

— За что?

— За готовность.

— К чему?

— Когда позвоню — встретиться.

— И всё?

— Нет. Если будет работа — за нее отдельно.

— А если работы месяц не будет?

— Получите деньги.

— Два?

— Тоже.

— Год?

Николай Евгеньевич усмехнулся.

— Владимир, если я целый год ни разу вам не позвоню, считайте, что стране необыкновенно повезло.

Аргумент. Игорь Павловичу почему-то стало неуютно. Деньги за безделье в советском воспитании воспринимались неправильно. Конечно, все всю жизнь мечтали получать и ничего не делать, но, когда такая возможность вдруг появлялась, нормальный человек начинал искать подвох.

— А если я скажу нет?

Николай Евгеньевич не сразу понял.

— Чему?

— Работе. Позвоните, предложите что-то, а я скажу: не хочу.

Бессонов слегка повернул голову. Ага. Вот теперь интересно стало и ему. Николай Евгеньевич затушил сигарету.

— Можете.

— Просто так?

— Просто так.

— И ничего не будет?

— Владимир, вы хотите, чтобы я вас сейчас припугнул?

— Нет. Я хочу знать правила.

— Тогда правило простое. Вы не сотрудник. Приказов вам никто отдавать не будет.

— А просьбы?

— Будут.

— От которых нельзя отказаться?

— Бывают такие просьбы.

Ну вот. Приехали.

— Значит, все-таки работа.

— Нет.

— А в чем разница?

— Работник обязан выполнить приказ. А вы можете отказаться.

— И?

Николай Евгеньевич развел руками.

— И когда-нибудь узнаем, что произойдет.

Игорь Павлович внимательно посмотрел на него. Не угрожает. Но и не обещает. Умный мужик. С такими тяжелее, чем с бандитами. Бандит говорит: сделаешь — будешь жить, не сделаешь — закопаем. Все ясно, можно планировать. А тут: «посмотрим». Чего смотреть-то?

— Хорошо, — сказал Игорь Павлович. — Допустим.

— Вот и договорились.

— Не договорились. Я сказал «допустим».

— Это практически одно и то же.

— Для вас?

— Для меня.

Николай Евгеньевич посмотрел на часы.

— Теперь Алексей немного с вами погуляет.

Игорь Павлович посмотрел на Бессонова.

— А я ему зачем?

— Будет объяснять элементарные вещи.

— Например?

— Как не привести человека, который за вами идет, прямо домой.

Игорь Павлович обиделся.

— Я уже научился.

Бессонов впервые вступил сам:

— Нет.

Одно слово. Вот сволочь.

— Откуда знаете?

— Видел.

— Где?

— Сегодня.

Игорь Павлович замолчал. Бессонов спокойно добавил:

— Вы три раза оглянулись, два раза остановились у витрины и один раз сделали вид, что читаете газету.

— Я и читал.

— Третью страницу минут пятнадцать.

Ну и что? Может, материал интересный. На улице Бессонов сказал:

— Идем обычно.

— А до этого как шли?

— Вы — напряженно.

— Не замечал.

— Все замечают. Человек, который очень старается выглядеть естественно, выглядит неестественно.

— Глубокая мысль.

— Полезная.

Они пошли по улице. Минут пять Бессонов молчал. Потом спросил:

— Кто идет за нами?

Игорь Павлович чуть не оглянулся. Удержался.

— С чего вы взяли, что кто-то идет?

— Потому что я попросил.

— Ваш?

— Мой.

Игорь Павлович принялся смотреть. Не слишком явно. В отражения витрин. На перекрестках. Людей много. Мужчина в кепке. Нет, свернул. Девушка. Нет. Старик с авоськой. Хотя почему нет? Самый лучший шпион — старик с авоськой. Никто не заподозрит. Игорь Павлович еще раз посмотрел через стекло.

— Вон тот, в синей куртке.

— Нет.

Через минуту:

— С портфелем.

— Нет.

— Бабка?

Бессонов посмотрел на него.

— Какая?

— С сумкой.

— Ей лет семьдесят.

— Маскировка.

— Владимир...

— Ну а чего вы спрашиваете, если сами знаете?

Бессонов молча шел дальше. Еще через десять минут они остановились возле метро.

— Всё?

— Всё.

— И кто?

Бессонов посмотрел назад. Мимо прошел молодой человек лет двадцати пяти в светлой куртке. Совершенно неприметный. В руке какой-то журнал. Игорь Павлович видел его. Раз пять. И каждый раз не замечал. Парень дошел до перехода и исчез.

— Он?

— Он.

— Да ладно.

— Именно.

— А чего в нем такого?

— Ничего.

Бессонов чуть улыбнулся.

— Поэтому вы его и не заметили.

Это было обидно. Игорь Павлович всю последнюю неделю только и делал, что чувствовал чужие взгляды, вычислял преследователей, отрывался, прятался. Оказывается, вычислял только тех, кто сам особенно не прятался.

— Ладно, — сказал Игорь Павлович. — Учтем.

— Вот это правильный ответ.

Они снова пошли. Бессонов стал объяснять. Не очень много. Как смотреть назад, не поворачивая голову. Почему нельзя постоянно менять темп. Почему бессмысленно трижды переходить улицу, если преследователь видит, что его проверяют. Где удобнее остановиться. Как пользоваться общественным транспортом. Игорь Павлович слушал. Полезно. Безусловно. Но через некоторое время спросил:

— А если я в парикмахерскую зайду?

Бессонов остановился.

— Что?

— В парикмахерскую.

— Зачем?

— Постригусь.

— Мы говорим о наружном наблюдении.

— Я понимаю.

— Причем здесь стрижка?

— Ну, представьте. Вы за мной идете. Я вас заподозрил. Вместо всех ваших переходов, автобусов и прочего захожу в парикмахерскую.

— И?

— Сажусь.

— И?

— Стригусь.

Бессонов посмотрел так, будто перед ним был пациент, которого слишком рано выпустили из больницы.

— Дальше?

— А вы что делать будете?

— Подожду.

— Где?

— Найду место.

— Двадцать минут?

— Допустим.

— А если очередь?

— Подожду дольше.

— А потом я выйду постриженный.

— И что изменится?

— Внешность.

— Незначительно.

— Для вас. А тому второму, которому вы по телефону передали «мужчина в меховой шапке, волосы из-под ушей», уже придется думать.

Бессонов помолчал.

— Можно надеть другую шапку.

— Можно. А можно и постричься. Главное — вы не знаете, что я сделаю.

— Потому что это нелогично.

— Во!

Игорь Павлович обрадовался.

— Вот именно. Вы всё время учите, как правильно. А тот, кто за мной идет, тоже знает, как правильно. Значит, иногда надо делать неправильно.

Бессонов некоторое время смотрел на него.

— Николай Евгеньевич примерно это и говорил.

— Значит, умный человек.

— Иногда.

— А вы?

— А я предпочитаю сначала научиться делать правильно.

Тоже, между прочим, умная мысль. Следующим пунктом программы оказался тир. Игорь Павлович сразу насторожился. Не от пистолетов. После последней недели отношение к оружию стало вполне деловым. Пистолет — вещь полезная, только почему-то рядом с ним обязательно начинают происходить неприятности. Но стрелять при людях... Вот это хуже. Пока тебя никто не проверяет, всегда можно думать, что ты скрытый талант. Вдруг просто обстоятельства мешали? Темно. Страшно. По тебе стреляют. Руки трясутся. Позиция неудобная. А вот сейчас станет ясно, талант или обычный косоглазый гражданин.

Инструктор был мужик лет пятидесяти, небольшой, сухой, с красными руками и лицом человека, который всю жизнь наблюдал чужую глупость и давно перестал ей удивляться. Бессонов сказал ему несколько слов. Тот посмотрел на Игоря Павловича.

— Стреляли?

Игорь Павлович задумался. Что отвечать? Игорь Павлович лично — нет. Владимир — да. Тело — тоже да. Но объяснять эту классификацию не хотелось.

— Немного.

— Из ПМ?

— В основном.

— В основном?

— Так получилось.

Инструктор пожал плечами. Ему явно встречались клиенты и страннее. Дали наушники. Пистолет. Мишень. Игорь Павлович взял оружие. Руки все помнили. По крайней мере, что куда вставлять, уже хорошо.

— Пять выстрелов, — сказал инструктор.

Игорь Павлович поднял пистолет. Прицелился. Выстрел. Первый ушел куда-то в белое. Второй ближе. Третий вообще непонятно. Четвертый попал в силуэт. Пятый — тоже. Кажется. Мишень подтянули. Инструктор долго смотрел. Потом на Игоря Павловича. Потом опять на мишень.

— Ну...

Нехорошее начало.

— Если противник будет один, шанс есть.

— Спасибо.

— Только близко.

— Насколько?

— Метров пять.

Игорь Павлович вздохнул.

— А если трое?

Инструктор совершенно серьезно ответил:

— Попросите стать рядом.

Бессонов отвернулся. Вот теперь точно смеется.

— А если откажутся?

Инструктор, наконец, усмехнулся:

— Тогда убегайте. Это у вас, говорят, лучше получается.

Чертов Николай Евгеньевич. Уже биографию распространил среди трудящихся. Еще несколько серий получились лучше. Не хорошо. Но лучше. Пули хотя бы начали собираться примерно в той области мишени, где у нормального человека располагается туловище. Игорь Павлович немного приободрился.

— Видите?

Инструктор кивнул.

— Прогресс.

— То-то же.

— Еще пару тысяч патронов — и можно разговаривать.

Обрадовал. Когда вышли, Николай Евгеньевич ждал в коридоре. Откуда взялся — неизвестно. Может, приехал специально. Может, тир тоже принадлежит его загадочному хозяйству, где все появляются из стен и знают, сколько раз ты оглянулся по дороге.

— Ну? — спросил он Бессонова.

— Учится.

— А стреляет?

Бессонов задумался. Игорь Павлович перебил:

— Нормально.

Бессонов посмотрел.

— В сторону мишени.

— Это уже половина успеха.

Николай Евгеньевич засмеялся.

— Вот и прекрасно.

— Чего прекрасного?

— Ничего страшнее дилетанта, который решил, что он профессионал. Вы пока точно знаете, что стрелять не умеете.

— Спасибо вам обоим.

— Не расстраивайтесь, Владимир. Стрелков у меня хватает.

Они пошли к выходу. Уже возле двери Николай Евгеньевич остановился.

— Кстати.

Игорь Павлович обернулся.

— Что?

— Насчет вашего вопроса.

— Какого?

— Зачем вы нам.

Николай Евгеньевич показал на его руки.

— Руками вы пока ничего особенного не умеете.

— Опять приятно.

— А голова работает интересно.

— Иногда.

— Именно. Иногда. Причем обычно тогда, когда нормальные люди уже выбрали один из двух очевидных вариантов.

Игорь Павлович пожал плечами.

— Может, я просто не понимаю очевидных.

— Возможно.

Николай Евгеньевич улыбнулся.

— Поэтому пока руками ничего не трогайте.

— Почему?

— Боюсь, голова не успеет придумать, как исправлять.

И ушел. Игорь Павлович остался возле двери с Бессоновым. Несколько секунд оба молчали. Потом Игорь Павлович сказал:

— Он всегда такой?

— Какой?

— Вроде похвалил, а хочется дать по морде.

Бессонов подумал.

— Привыкнете.

Игорь Павлович посмотрел ему вслед. Нет. Вот к этому привыкать как раз не хотелось. Хотя, с другой стороны, квартира есть. Деньги будут. Работы пока нет. Никто не стреляет. Да еще совершенно бесплатно учат, как правильно убегать от людей, которые когда-нибудь, возможно, захотят стрелять. Неплохая жизнь получается. Подозрительно неплохая. Игорь Павлович вышел на улицу, остановился и машинально оглядел прохожих. Мужчина с портфелем. Две женщины. Парень с газетой. Бабка с сумкой. Игорь Павлович задержал взгляд на бабке. А черт их знает. Теперь уже каждому верить перестанешь. Бабка прошла мимо, сердито толкнув его сумкой.

— Чего встал поперек дороги?

Игорь Павлович посторонился.

— Извините.

Бабка удалилась. Нет. Наверно, не наружка. Хотя работает натурально. Игорь Павлович усмехнулся и пошел к метро. Первый рабочий день на работе, которой у него не было, можно было считать законченным.

ГЛАВА 3
МАШКА

К Машке Игорь Павлович собирался три дня. Не то чтобы совсем уж боялся. После пистолетов, подвалов и прочих радостей современной московской жизни бывшая жена вряд ли могла считаться особенно опасным противником. Но почему-то каждый раз находились срочные дела. В первый день надо было разобраться с квартирой. Во второй — встретиться с Николаем Евгеньевичем. В третий Игорь Павлович полчаса проторчал около магазина, решая, что купить детям, и в конце концов понял: тянет время. Ну, Машка же не кусается. Кажется. Позвонил. Трубку сняли не сразу.

— Алло.

Голос знакомый. Настолько знакомый, что Игорь Павлович автоматически сказал:

— Маш...

И замолчал. Не потому что не знал, что дальше. Наоборот, знал слишком хорошо. И как она обычно отвечала, и как раздражалась, если звонил не вовремя, и когда нужно было пошутить, а когда лучше заткнуться. Память Владимира сидела в голове как добрая соседка: всё знает, всё помнит, во всё лезет.

— Вова?

— А кто же ещё.

— Ты где?

Хороший вопрос.

— В Москве.

— Я вижу, что не в Америке. Где ты пропадал?

— По делам.

— Каким?

— Разным.

Пауза.

— С тобой всё нормально?

— Более-менее.

— «Более-менее» у тебя раньше означало, что денег нет.

— Теперь не означает.

Снова пауза. Вот это ей не понравилось.

— Ты что хотел?

— Зайти.

— Зачем?

Игорь Павлович даже трубку от уха отодвинул. Вот тебе и бывшая семья. Родной человек звонит, а его первым делом спрашивают, зачем он нужен. Хотя, если разобраться, совершенно правильно. Последние годы Владимир появлялся в этой квартире либо когда чего-то хотел, либо когда хотел показать, что ничего не хочет, но всё равно надеялся получить чай, еду, сочувствие, а иногда всё вместе.

— Детей увидеть.

— Сегодня?

— Если можно.

— Можно.

Ответ прозвучал так быстро, что Игорь Павлович опять насторожился.

— А замок?

— Что замок?

— Ты его поменяла.

— Поменяла.

— Ключа-то у меня нет.

— Позвонишь.

— Это я умею.

— Вова...

— Что?

— Только без фокусов.

— Каких?

— Не знаю. Вот и без них.

Трубка замолчала. Игорь Павлович ещё секунду послушал гудки. Ну вот, договорились. Теперь подарки. С Жанной оказалось проще. Память Владимира немедленно выдала целый список того, что ей нравится, не нравится, хотелось месяц назад и, возможно, уже разонравилось вчера. Девочки в этом возрасте меняют желания быстрее правительства — пока соберёшься исполнить, программа уже другая. С Димкой хуже. Игорь Павлович перебирал варианты и с неприятным удивлением обнаруживал, что знает про сына гораздо меньше. Вот это уже не память подвела. Владимир не знал. Обиделся на мальчишку после развода, что ли? Или просто решил, что мужики сами разберутся? В общем, замечательный отец.

Игорь Павлович купил Жанне небольшой набор, который она когда-то просила у матери, Диме — хорошие наушники для магнитофона. Не японское чудо за безумные деньги, но и не китайское барахло, разваливающееся ещё до распаковки. Потом подумал и купил торт. Торт всегда ни при чём, и поэтому подходит к любой семейной ситуации. Доехал. Поднялся. Постоял перед дверью. Старая привычка заставила сначала прислушаться. За дверью телевизор. Кто-то прошёл по коридору. Никаких подозрительных голосов. Игорь Павлович усмехнулся. Собственную семью проверяет, как бандитскую малину. Нажал кнопку звонка. Открыла Машка. Посмотрела. Игорь Павлович тоже посмотрел.

Ничего особенного вроде не изменилось. Та же. Только усталая. Или это Владимир раньше не замечал?

— Привет.

— Привет.

Она не отходила.

— Пустишь?

Машка пропустила. И сразу:

— Снимай обувь.

— Даже не сомневался.

Вот и родной дом. Игорь Павлович снял ботинки, поставил аккуратно к стенке. Машка посмотрела на них. Потом на него.

— Что?

— Ничего.

— Нет, что?

— Ботинки чистые.

— Это преступление?

— Раньше ты их только по большим праздникам чистил.

— Исправляюсь.

Машка опять посмотрела. Плохо. Слишком внимательно. Игорь Павлович прошёл на кухню, положил торт.

— Дети где?

— Жанна сейчас выйдет. Дима у себя.

— А чего он там?

— Живёт.

— Очень содержательно.

— Вова, не начинай.

— Я ещё даже не успел.

Она села за стол. Игорь Павлович остался стоять.

— Ты где живёшь?

— Снял квартиру.

— На что?

Началось.

— На деньги.

— Я понимаю, что не на почтовые марки. Откуда деньги?

— Работаю.

— Где?

Вот именно здесь надо было заранее подготовить биографию. Николай Евгеньевич, сволочь, учил наружное наблюдение распознавать, стрелять, маршруты менять, а про разговор с бывшей женой ничего не сказал. Провал в подготовке кадров.

— По разным делам.

— Каким разным?

— Маш, допрос?

— Нет.

— Очень похож.

— Просто неделю назад ты практически без денег был. Потом исчез. Теперь приходишь нормально одетый, с подарками, говоришь, что квартиру снял. Я спрашиваю, что случилось.

— Ничего.

— Вот это как раз хуже всего.

Игорь Павлович сел напротив. Машка смотрела прямо. Когда-то Владимир этого взгляда не выдерживал. Начинал оправдываться, сердиться или атаковать в ответ — лучший способ проиграть семейный спор ещё до его начала. Игорь Павлович сидел молча. Машка первой отвела глаза.

— С бандитами связался?

— Нет.

— Вова, честно.

— Честно.

— Тогда с милицией?

Игорь Павлович не удержался.

— Вот это уже обидно.

Машка не засмеялась. Пришлось перестать.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно. С бандитами не работаю. В милиции не служу.

Это даже не ложь. Почти.

— Тогда откуда деньги?

— Помогаю кое-кому. Получаю за это деньги.

— Кому?

— Людям.

— Каким людям?

— Маш, ну что ты хочешь услышать? Название организации, адрес, фамилию директора?

— Я хочу знать, не придут ли однажды сюда твои новые знакомые.

Вот. Игорь Павлович сразу перестал шутить. Совершенно правильный вопрос. Он ведь сам несколько дней назад опасался близко подходить к этой квартире именно по этой причине.

— Не придут.

— Откуда ты знаешь?

Хотелось сказать: потому что те, кто раньше мог прийти, в основном уже ни к кому никуда не придут. Не сказал.

— Я постараюсь, чтобы вас это вообще не касалось.

— Постараешься?

— Да.

Машка усмехнулась.

— Очень успокоил.

— Врать надо?

— Не надо.

— Тогда — постараюсь.

Она хотела что-то сказать, но из коридора донеслось:

— Папа!

Жанна влетела на кухню. Игорь Павлович встал. Вот что интересно: никаких размышлений на тему «чужой ребёнок — не чужой ребёнок» в этот момент не возникло. Обнял. Просто обнял. Жанна отстранилась.

— Ты где был?

— Гулял.

— Столько?!

— Большая Москва.

— Мамка сказала, что ты по делам.

— И это тоже.

— Ты подарок принёс?

Вот нормальный человек. Сразу к сути.

— Не принёс.

Лицо вытянулось.

— Купил.

— Где?

— В прихожей.

Она исчезла. Через секунду оттуда:

— Мам!

— Чего орёшь?

— Смотри!

Машка посмотрела на Игоря Павловича.

— Не надо было.

— Чего?

— Подарков.

— Почему?

— Потому.

Логика железная.

— Я детям ничего купить не могу?

— Можешь. Только потом они решат, что у тебя денег полно.

— Пусть решают.

— А потом попросят ещё.

— Попросят — посмотрим.

— Ты всегда так. Сначала широкий жест, потом денег нет.

Вот здесь Игорю Павловичу стало неприятно. Не потому, что она несправедлива. Потому что справедлива. Владимир именно так и жил: появилось — гуляем, исчезло — затягиваем

ремень и объясняем окружающим сложности экономического момента. Хотелось сказать, что теперь всё будет иначе. Но почему она должна поверить? Игорь Павлович промолчал. В дверях появился Дима.

— Привет.

— Привет.

И всё. Сын стал выше, чем помнилось. Нет, память знала его нынешним, а вот Игорь Павлович почему-то всё время ожидал увидеть мальчишку поменьше. Странная штука эти чужие воспоминания. Факты лежат правильно, а чувства сортируются как хотят.

— Как дела?

— Нормально.

— Учёба?

— Нормально.

— Вообще всё нормально?

Дима пожал плечами.

— Ага.

Прекрасно поговорили. Игорь Павлович дал ему пакет.

— Это тебе.

— Чего там?

— Открой.

Дима открыл, вытащил коробку. Лицо ожило. Совсем чуть-чуть, но ожило.

— Спасибо.

— Подойдут?

— Конечно.

И вдруг спросил:

— А деньги откуда?

Машка резко посмотрела на сына. Игорь Павлович засмеялся.

— Вот теперь вижу, что семья одна.

— Я просто спросил.

— Работаю.

Дима кивнул. Ему объяснения хватило. Вот чем дети удобнее взрослых. Или верят, или им пока просто неинтересно. Жанна уже раскрыла свою коробку и что-то показывала матери. Минут десять все крутились на кухне. Торт разрезали. Дима ушёл к себе с наушниками. Жанна осталась. Рассказывала что-то быстро, перескакивая с одного на другое. Про школу. Про девочку, с которой она больше не дружит. Потом опять дружит. Потом вроде ещё не решила. Про учительницу. Про мальчика, который дурак. Почему дурак — совершенно непонятно, но сомнений в диагнозе у Жанны не было. Игорь Павлович слушал. Вначале из вежливости. Потом действительно заинтересовался. Не конкретно мальчиком-дураком, конечно. Самой Жанной.

Как она говорит. Чего считает важным. Где злится. Где явно врёт, чтобы выглядеть взрослее. Девчонка ведь практически незнакомая. И одновременно роднее некуда. Такой фокус даже Николай Евгеньевич не устроит.

— Пап, пойдём погуляем?

Машка сразу:

— Куда?

— Просто.

— На улице холодно.

— Мам!

— Недолго, — сказал Игорь Павлович.

Машка посмотрела. Опять этот взгляд.

— Час.

— Полтора.

— Час.

— Договорились.

Жанна уже неслась одеваться. Игорь Павлович поднялся. Машка тихо сказала:

— Только далеко не ходите.

— Не будем.

— И Вова...

— Ну?

— Если за тобой кто-нибудь ходит...

Игорь Павлович замер.

— Кто?

— Я не знаю. Ты же сам какой-то дёрганый. На лестнице слушаешь, в окно смотришь.

Вот ведь. Бессонов полдня учил выглядеть естественно. Бывшая жена за две минуты всё вычислила.

— Никто за мной не ходит.

— Точно?

— Точно.

Насколько мог знать. На улице Жанна опять заговорила. Игорь Павлович сначала автоматически осмотрел двор. Машин незнакомых много. Людей тоже. Можно всю жизнь потратить, выясняя, кто из них кого хочет убить. Плюнул. Пошли. Жанна рассказывала. Игорь Павлович задавал вопросы. Через некоторое время она вдруг замолчала. Шли молча.

— Устала? — спросил он.

— Нет.

— Тогда чего замолчала?

— Ты странный.

— Спасибо.

— Нет, правда.

— В каком месте?

Она подумала.

— Не знаю.

— Тогда обвинение снимается за отсутствием состава.

Жанна хихикнула. Прошли ещё немного.

— Ты меня раньше не слушал.

Игорь Павлович повернул голову.

— В смысле?

— Ну, я рассказываю, а ты сразу говоришь, что надо делать.

— Может, умный был.

— Нет.

Коротко. Убедительно.

— А сейчас?

— Сейчас слушаешь.

Игорь Павлович хотел привычно пошутить. Не получилось. Потому что хвалили его. А ругали Владимира. Хотя и тот, и другой сейчас помещались в одной куртке и шли рядом с девочкой. Несколько шагов. Потом Жанна сама взяла его под руку. Так проще. Не надо ничего решать. Игорь Павлович всё ещё не считал эту жизнь своей. Квартира была чужая, лицо чужое, знакомые чужие. Даже деньги, которые обещал Николай Евгеньевич, были не заработаны, а словно выданы напрокат вместе с новым существованием. Но с людьми оказалось сложнее.

Чужое воспоминание можно разглядывать со стороны. Чужую любовь — нет. Она либо есть, либо нет. И с этим ничего особенно умного не придумаешь.

Вот они и были те самые пятнадцать процентов ненужной философии, которые нормальный человек пропускает, когда рядом идёт дочь и тащит его за рукав:

— Пап, ты слышишь?

— Слышу.

— Я тебе говорю, Ленка специально ему сказала...

История продолжилась. Пошли через двор, потом к маленькому скверику. Игорь Павлович внезапно остановился. Место было знакомым. Очень. Вон дорожка. Вон дерево. Скамейку, правда, заменили или переставили. И картинка появилась сразу. Маленький велосипед. Жанна впереди. Владимир держит седло.

— Не отпускай!

— Не отпущу.

Отпустил. Она проехала сама, оглянулась и грохнулась. Игорь Павлович посмотрел на асфальт.

— Вот здесь ты коленку разбила.

Жанна тоже остановилась.

— Когда?

— На велосипеде.

Она удивилась.

— Ты помнишь?

— Конечно.

Ответ вылетел сразу. Не «Владимир помнил». Не «Игорь Павлович видел это в чужой памяти». Просто:

— Конечно.

И только потом дошло. Я помню. Не он. Я. Игорь Павлович даже шаг сбил. Жанна ничего не заметила.

— Я тогда думала, ты меня специально отпустил.

— Специально.

— Вот!

— А как бы ты научилась?

— Можно было предупредить.

— Тогда бы не поехала.

— Всё равно подло.

— Согласен.

— А мама тебя потом ругала.

— Очень.

Это тоже помнилось. И смешно: сейчас вспоминалось уже без всяких уточнений, кто именно получал от Машки за разбитое колено. Получал. И всё. Обратно пришли вовремя. Без пяти минут. Машка посмотрела на часы.

— Даже удивительно.

— Я ответственный человек.

— Не смеши.

Жанна убежала к себе. Игорь Павлович стал одеваться. Машка стояла рядом.

— Вова.

— Что?

— Ты правда другой.

Вот. Добрались.

— В каком смысле?

— Не знаю.
— Очень содержательный сегодня разговор.
— Раньше ты всё время оправдывался.
— А сейчас?
— Сейчас нет.
— Может, оправдан.
— Не думаю.
Игорь Павлович натянул куртку.
— Маш, всё нормально.
— Нет.
— Что нет?
— Я тебя знаю.
Вот тут чуть не рассмеялся. Если бы знала.
— И ты чего-то не договариваешь.
— Конечно.
— Вот видишь.
— Каждый человек чего-то не договаривает.
— Только ты раньше не умел.
Это уже интересно. Игорь Павлович взялся за ручку двери.
— Я научился.
— Где?
— Жизнь заставила.
Машка помолчала. Потом:
— Только детей не втягивай.
— Не втяну.

Сказал быстро. И сам себе не поверил. Не потому что собирался втягивать. Просто последние дни очень доходчиво объяснили: человек может сколько угодно обещать за себя, но окружающие почему-то никаких обязательств перед его обещаниями не несут. Поэтому Игорь Павлович поправился:

— Сделаю всё, чтобы их не коснулось.
— Это не одно и то же.
— Знаю.
Машка посмотрела ещё раз.
— Вот именно. Раньше бы сказал «конечно, конечно» и ушёл.
— Старею.
— В сорок два?
— Некоторые начинают раньше.
Она улыбнулась. Первый раз за весь вечер. Совсем немного.
— Иди уже.
— Иду.

Дверь закрылась. Игорь Павлович спустился на один пролёт. Остановился. Почему-то захотелось вернуться. Не за чем. Просто ещё посидеть. С Жанной поговорить. Димку вытащить из комнаты. С Машкой поругаться хотя бы нормально, по-старому. Глупость. Ушёл. На улице сунул руки в карманы и пошёл к метро. Через пару домов поймал себя на мысли: «А неплохие у меня дети». Остановился. Нет. Та-а-ак… Нет, не так. Не «у Владимира». И даже не «у него». У меня. Игорь Павлович постоял секунду, будто кто-то рядом мог услышать эту маленькую кражу чужой семьи. Потом пошёл дальше. В конце концов, дети от этого хуже не станут.

ГЛАВА 4
СВОИ ДЕНЬГИ

Утром принесли деньги. Не Николай Евгеньевич лично, конечно. Тот вообще производил впечатление человека, который деньги если и носит, то только чужие и в чужом портфеле. Пришёл молодой мужчина, другой, не вчерашний, передал конверт, попросил расписаться на маленьком листке и ушёл. Игорь Павлович закрыл дверь, вернулся на кухню и вытряхнул содержимое конверта на стол. Деньги были хорошие. Не огромные. Квартиру в центре Москвы на них не купишь, завод тоже. Но можно спокойно жить, нормально есть, покупать одежду, не считать мелочь перед кассой и даже иногда позволять себе что-нибудь совершенно ненужное. Последнее особенно приятно.

Денег у Владимира никогда толком не было. То появлялись, то исчезали, причем обычно быстрее, чем он успевал понять, на что именно их потратил. Игорь Павлович пересчитал купюры. Потом ещё раз. Не потому что не доверял Николаю Евгеньевичу. Просто деньги человек обычно считает дважды: первый раз — сколько дали, второй — вдруг стало больше. Больше не стало. Положил их обратно. И тут настроение почему-то испортилось. Деньги хорошие. Квартира есть. Обязанностей практически никаких. Живи и радуйся. Именно это и не нравилось. За девяносто четыре года Игорь Павлович достаточно насмотрелся на бесплатные вещи и точно знал: бесплатно бывает только то, за что пока не предъявили счёт.

Николай Евгеньевич, конечно, честно сказал — содержание за готовность работать. Нормальная схема. Только содержали обычно детей, любовниц и домашних животных. Быть четвёртым вариантом не хотелось. Игорь Павлович сунул деньги в ящик, через минуту достал обратно, часть положил в сумку, часть убрал в квартиру. Потом ещё немного переложил. У Владимира была привычка прятать деньги в нескольких местах. Когда их мало, это выглядит смешно. Пять рублей здесь, десять там, ещё двадцать в старой книге — будто крупный подпольный капитал. Теперь привычка пригодилась. Часть денег Игорь Павлович засунул в карман старой куртки. Подумал. Переложил в другой.

Если самому легко догадаться, куда спрятал, значит, место плохое. Минут десять он занимался этой ерундой и наконец остановился. Вот так человек постепенно и сходит с ума. Сначала за ним бегают вооружённые люди. Потом он привыкает. А когда люди перестают бегать, начинает сам прятать от них деньги. Надо было чем-то заняться. И желательно таким, что приносит собственные деньги. Слово «собственные» понравилось. Игорь Павлович заварил чай, достал тетрадь, карандаш и сел за стол. В принципе положение у него было великолепное. Попаданец. Из будущего. В девяносто четвёртом году.

Попаданцы в прочитанных им романах в такой ситуации обычно очень быстро становились миллионерами, потом миллиардерами, а ещё немного погодя начинали объяснять президенту, как правильно управлять страной. Оставалось только вспомнить, на чём именно следовало разбогатеть.

Игорь Павлович написал: Акции. Посмотрел. Какие? Газпром? Наверное. Когда покупать? Не помнит. Где покупать? Тоже. Сколько они сейчас стоят и вообще продаются ли так, как он себе представляет? Тем более не помнит. Зачеркнул. Написал: Доллары. Это проще. Доллар будет дорожать. Точно. Правда, хранить деньги в долларах и разбогатеть — несколько разные вещи. Тем более что значительная часть населения страны тоже уже догадалась.

Следующий вариант: Недвижимость. Хорошо. На какие деньги? Игорь Павлович посмотрел на конверт. На комнату хватит разве что снять на несколько месяцев. Зачеркнул. Лотерея отпала сразу. Ни одного выигрышного номера за всю прежнюю жизнь он не помнил. Это было особенно обидно. Столько лет прожил, а нужной информации в голове нет. Спорт? Когда-то

смотрел футбол. Кто в каком году выиграл чемпионат, ещё можно приблизительно вспомнить. Но где в девяносто четвёртом спокойно поставить серьёзные деньги, да ещё так, чтобы потом их получить, — вопрос отдельный. Да и память могла подвести.

Представить только: поставить все деньги на команду, которая, как точно помнишь, стала чемпионом, а потом выяснить, что это было годом позже. Очень достойный финал второй жизни. Игорь Павлович отложил карандаш. Вот оно, главное мошенничество всех историй про попаданцев. Люди помнят прошлое очень приблизительно. Если спросить обычного человека, что случилось пятнадцатого апреля двадцать третьего года, он в лучшем случае ответит, что был вторник. И то соврёт. Игорь Павлович хорошо помнил крупные вещи. Распад страны. Кризисы. Войны. Выборы. Какие товары появятся. Как изменится техника. Что исчезнет. Что станет обычным.

Но точные даты, цены, фамилии и цифры лежали в голове совершенно беспорядочно. Можно знать будущее и всё равно остаться без денег. Мысль даже понравилась. Значит, всё честно. Игорь Павлович взял другой лист. На этот раз написал: Что будет нужно людям? Компьютеры. Мобильные телефоны. Связь. Факсы. Принтеры. Копировальная техника. Расходники. Ремонт. Последнее подчеркнул. Вот здесь память будущего была уже полезнее. Не надо знать, сколько будет стоить конкретный аппарат через три года. Достаточно понимать, что аппаратов станет больше.

А когда чего-то становится много, это надо продавать, чинить, подключать, заправлять, объяснять владельцу, куда нажать, а главное — почему после нажатия ничего не работает. На этом человечество будет зарабатывать всегда. С компьютерами Игорь Павлович разбирался средне. Современными — для своей прежней жизни — пользовался. А вот в нынешних машинах понимал гораздо меньше, чем хотелось бы. Но принцип был ясен. Телефоны тоже. Сотовый аппарат пока вещь дорогая, почти показательная. Но долго так не будет. Факсы вообще скоро заполнят все нормальные конторы. Потом исчезнут. Но это потом. А заработать надо сейчас. И тут память Владимира выдала Олега Савельева.

Игорь Павлович даже сначала не понял, откуда взялась фамилия. Олег. Снабженец. Когда-то работали рядом. Потом ушёл. Торговал чем-то импортным. Несколько раз предлагал Владимиру поучаствовать. Владимир не участвовал. Почему? Денег не было. Вот неожиданность. Номер телефона обнаружился в старой записной книжке. Записная книжка вообще оказалась полезнее половины современных средств связи. Человек туда записывает всё подряд, потом забывает, а через пять лет случайно находит нужного человека между телефоном сапожника и номером стоматологии. Игорь Павлович позвонил. Олег ответил сам. Сначала не понял, кто звонит. Потом понял и очень обрадовался. Даже слишком.

Через час встретились возле небольшого кафе. Олег почти не изменился — так подсказала память Владимира. Невысокий, плотный, хороший костюм, который сидел чуть хуже, чем хотелось хозяину. Волосы зачёсаны назад. На пальце печатка. Не бандитская. Просто тогда мужчины почему-то очень любили печатки. Олег действительно занимался оргтехникой. Не магазин. Не фирма в современном смысле. Скорее постоянное движение: где-то купить, кому-то отвезти, здесь найти покупателя, там договориться с поставщиком, потом три дня искать машину, потому что договорённая почему-то не пришла. Нормальный бизнес того времени. Первые двадцать минут Олег рассказывал. Игорь Павлович слушал.

Это оказалось полезнее разговоров. Выяснилось, что у Олега есть клиенты. Есть несколько знакомых поставщиков. Есть помещение, которое он называет складом, хотя фактически это бывшая мастерская за железной дверью. Есть помощник. Нет только денег. Причём денег не хватает всегда. Сегодня нужны на одну партию. Завтра на другую. Послезавтра вернут долг, но к тому времени появится третья. Игорь Павлович слушал и думал, что за тридцать лет бизнес, в сущности, не изменился. Только вместо факсов будут серверы, вместо наличных —

банковские приложения, а фраза «деньги придут на следующей неделе» останется бессмертной. Пошли смотреть товар. Склад находился в подвале административного здания.

Внутри коробки. Много. Часть уже вскрыта. На одном столе стоял факс, рядом два телефонных аппарата, какие-то блоки питания, мотки кабеля. Олег включил факс. Тот загудел. Игорь Павлович посмотрел. Потом ещё. Попросил документацию. Документации почти не было. То есть бумага была. На английском. К нескольким аппаратам прилагался русский перевод, отпечатанный на машинке и размноженный ксероксом. Игорь Павлович прочёл первую страницу. Потом вторую. Дальше не стал. Человеку предлагалось «установить питание в линию посредством введения соединения». Что именно куда вводить, оставалось загадкой.

— Кто переводил?

Олег махнул рукой. Какой-то знакомый студент. Дёшево. Это было заметно. Игорь Павлович стал смотреть аппараты. Некоторые рассчитаны не совсем на ту сеть. Нужны переходники. К части аппаратов расходники придётся искать отдельно. Олег относился ко всему проще. Продали — дальше проблемы покупателя. Подход понятный. В девяностые вообще много чего продавали с принципом «до двери донесли — уже хорошо». Игорь Павловичу этот принцип не понравился. Не из-за высокой морали. Покупатель, которого один раз обманули, второй раз пойдёт к другому. А покупатель, которому помогли, вернётся. Очень простая математика. Через полчаса приехал ещё один человек. Слава. Фамилию Игорь Павлович не запомнил.

Лет тридцати пяти. Весёлый. Подвижный. Хорошие зубы, хорошая куртка, прекрасное настроение. Сразу стал всем другом. Олега называл Олежкой. Игоря Павловича — Владимиром Палычем, хотя отчества никто ему не говорил. Это уже не понравилось. Слава хотел взять почти половину партии. Деньги через неделю. Гарантированно. Потому что есть серьёзный покупатель. Какой — пока нельзя говорить. Очень серьёзные люди. Ещё у Славы были друзья в банке, знакомые на таможне, человек в мэрии и, судя по разговору, прямой выход если не на президента, то хотя бы на его охранника. Чем дольше он говорил, тем меньше хотелось давать ему товар. Игорь Павлович просто наблюдал. Слава ни разу не назвал точную дату оплаты.

Ни разу не сказал, кому продаёт. Зато раз пять объяснил, что он человек слова. Люди, которые действительно держат слово, почему-то редко сообщают об этом каждые три минуты. Когда Слава ушёл, Олег сказал, что вариант хороший. Игорь Павлович ответил, что плохой. Олег удивился. Доказательств не было. Просто не понравился человек. Это, конечно, не аргумент. Но Игорь Павлович за прошлую жизнь столько раз видел похожих людей, что уже научился чувствовать момент, когда тебе очень стараются понравиться. Потом обычно выясняется зачем. Решили не давать всю партию. Только несколько аппаратов и только после частичной оплаты. Олег ворчал. Через два дня позвонил сам. Слава пропал.

Не совсем. Телефон работал, но трубку никто не снимал. Ещё двум продавцам он задолжал деньги. Олег сказал коротко:

— Ладно. Один-ноль.

Игорь Павловичу стало приятно. Не потому что другой человек оказался жуликом. Просто впервые новое знание ничего не имело общего с будущим. Не 2024 год помог. Сам догадался. Хотя слово «сам» ещё чуть цепляло. Сам — это кто? Игорь Павлович? Владимир? Оба? Он не стал разбираться. Не обязательно каждую мысль доводить до конца. Иногда достаточно, что она появилась и ушла. Вечером они сидели на складе и считали. Олег писал быстро, неразборчиво. Игорь Павлович перепроверял. Вложения. Доставка. Аренда. Мелкие расходы. Получалось не так красиво, как в рассказах самого Олега. Прибыль была. Но не огромная. Если всё продать. Если никто не украдёт. Если аппараты не окажутся бракованными.

Если покупатели заплатят. Слишком много «если». Олегу требовались деньги на следующую поставку. Игорь Павлович мог дать. Не все. Примерно половину того, что получил от Николая Евгеньевича. Сидел и смотрел на цифру. Ещё неделю назад Владимир радовался бы самому факту наличия денег и не полез бы ни в какой бизнес. Игорь Павлович тоже никогда

особенным предпринимателем не был. Но здесь дело оказалось не только в прибыли. Если получится — появится собственный источник. Не Николай Евгеньевич. Не случайно найденная пачка. Не деньги человека, которого пришлось убить. Обычные деньги. Купил. Продал. Заработал. Игорь Павлович согласился. Деньги передал не сразу. На следующий день ещё раз приехал.

Посмотрел склад. Посчитал товар. Записал номера нескольких аппаратов. Олег смеялся над недоверием. Пусть. Доверие хорошо работает, когда проверять нечего. Первые проблемы появились почти немедленно. Именно поэтому Игорь Павлович решил, что бизнес настоящий. Часть партии задержалась. Несколько аппаратов пришли без нужных переходников. У одного факса при включении появился подозрительный запах. Олег предложил выключить, подождать и попробовать ещё раз. Очень технический подход. Игорь Павлович не дал. Нашли мастера. Тот разобрал аппарат, долго ругался и сказал, что блок питания надо менять. Ещё два покупателя отказались от заказов. Один потому, что нашёл дешевле.

Другой потому, что деньги неожиданно закончились. Последнее объяснение Игорь Павлович счёл самым честным. Три дня они мотались по Москве. То склад. То покупатель. То мастерская. То какой-то магазин на другом конце города, где могли быть нужные переходники. В автобусе Игорь Павлович однажды заснул и чуть не проехал остановку. Проснулся от того, что рядом женщина тащила к выходу огромную сумку и била ею всех по ногам. Никто не стрелял. Никто не следил. Просто сумка. Это тоже постепенно начинало нравиться. Обычные неприятности оказались удивительно приятными после необычных. К вечеру хотелось есть, ноги болели, Олег надоедал, покупатели торговались за каждую мелочь. Нормальная жизнь.

На четвёртый день удалось продать первые аппараты. Деньги лежали на столе. Игорь Павлович машинально пересчитал. Олег засмеялся и сказал, что ещё рано радоваться: надо вычесть расходы. Вычли. Получилось немного. Совсем не состояние. Но часть суммы была заработана уже этими деньгами. Игорь Павлович отложил свою долю. Посмотрел. Мои. Слово появилось само. Не «деньги Владимира». Не «деньги, которые дали». Мои. На этот раз спорить с собой не захотелось. Через минуту Олег испортил настроение. Надо было срочно сделать нормальную русскую инструкцию к следующей партии. Покупатель требовал. Старый перевод использовать нельзя.

Игорь Павлович снова прочёл строчку про «введение соединения» и согласился. Олег сказал, что знает переводчицу. Хорошую. Правда, дорогую. Игорь Павлович спросил, насколько дорогую. Олег назвал сумму. Игорь Павлович помолчал. Потом сказал:

— Пусть приходит.

Первые заработанные деньги начали расходоваться почти сразу. Вот теперь всё окончательно стало похоже на настоящий бизнес.

ГЛАВА 5
ЕЛЕНА

Переводчица должна была прийти к одиннадцати. В половине двенадцатого её не было. Олег нервничал. Игорь Павлович — нет. В девяносто четыре года отношение ко времени сильно меняется. С одной стороны, его остаётся мало, и тратить попусту жалко. С другой — понимаешь, что пятнадцать минут вообще ничего не решают. Половина неприятностей в жизни происходит именно потому, что человек куда-то торопился, хотя мог спокойно постоять и подумать. Олег думать не хотел. Он ходил между столом и дверью, раза три смотрел на часы, потом зачем-то проверил телефон. Телефон работал.

— Хорошая переводчица?

— Хорошая.

— Тогда придёт.

— Она обычно не опаздывает.

— Значит, сегодня необычный день.

— Ты всегда такой спокойный был?

Игорь Павлович посмотрел на него.

— Нет.

Это была чистая правда. За последние недели спокойствие вообще приобрело странную форму. Когда человек понимает, что нынешняя неприятность его, скорее всего, не убьёт, отношение к ней сразу становится философским. Опоздал переводчик? Переживём. Не включается факс? Починим. Не заплатил покупатель? Найдём. Вот когда тебя собираются засунуть в багажник — там уже можно нервничать. И то желательно недолго. На складе было душно. Олег открыл маленькое окно под потолком. С улицы сразу потянуло бензином. Закрыл обратно. Лучше духота. Игорь Павлович сидел за столом и разбирал бумаги.

Дела шли пока неплохо. То есть по меркам нормального человека — плохо: половина партии не продана, несколько аппаратов пришлось ремонтировать, один покупатель попросил отсрочку, второй обещал деньги вчера, а сегодня почему-то перестал отвечать по телефону. По меркам начинающего бизнеса всё было прекрасно. Никого ещё не посадили. Никто не сбежал со всеми деньгами. Склад не сгорел. Даже прибыль появилась. Небольшая, но настоящая. Игорь Павловичу вообще начинала нравиться торговля. Не сама торговля — торговаться он не особенно любил и покупателя уговаривать не умел. Нравилось другое. В ней была понятная причинность. Сделал правильно — заработал. Сделал глупость — потерял.

Конечно, иногда сделал всё правильно и всё равно потерял. Но это уже жизнь, от неё полной справедливости никто и не обещал. Дверь открылась без стука. Вошла женщина. Игорь Павлович посмотрел на часы. Двадцать пять минут двенадцатого. Женщина тоже посмотрела на часы.

— Извините.

Лет тридцать пять-сорок. Среднего роста. Пальто тёмное, обычное. Большая сумка через плечо. Волосы собраны сзади кое-как, видимо, утром времени не хватило. Ничего эффектного. Игорь Павлович почему-то ожидал переводчицу иначе. Наверное, потому что слово иностранное. Переводчица должна быть в очках, с папкой и желательно выглядеть так, будто только что приехала с международной конференции. Эта приехала, судя по виду, на общественном транспорте. И ещё кто-то наступил ей на ногу.

— Лена, наконец-то! — Олег сразу оживился.

— Не «наконец-то». Двадцать пять минут.

— Вот именно.

— Я предупредила.

— Кого?

— Твою девушку.

— Какую девушку?

Женщина остановилась.

— Значит, не твою.

Игорь Павлович отвернулся, чтобы не рассмеяться. Олег нахмурился.

— Куда предупредила?

Она полезла в сумку, достала бумажку.

— Вот номер.

Олег посмотрел.

— Это не мой.

— Я уже поняла.

— И кому ты звонила?

— Женщине.

— И что сказала?

— Что задержусь.

— А она?

— Сказала: «Хорошо».

Игорь Павлович всё-таки засмеялся. История ему понравилась. Где-то в Москве совершенно незнакомая женщина уже двадцать минут знала, что какая-то Елена задерживается к Олегу. Может, даже переживала. Такие маленькие ошибки почему-то лучше всего доказывают, что мир живёт сам по себе и вовсе не обязан учитывать, что именно ты считаешь важным. Люди звонят не туда, садятся не в тот автобус, покупают ненужные вещи, женятся не на тех женщинах и потом годами пытаются понять, на каком именно повороте ошиблись. Большая часть жизни вообще состоит из вещей, которым мы придаём смысл только задним числом.

— Владимир, — представился Игорь Павлович.

Женщина посмотрела на него.

— Елена.

Руку протянула сама. Ладонь холодная. На этом знакомство закончилось. Она сняла пальто, положила сумку на стул.

— Где оригинал?

Олег сразу начал:

— Значит, ситуация такая. Мы сейчас развиваем новое направление...

— Оригинал где?

— Сейчас покажу. Но ты сначала пойми...

— Олег.

— Что?

— Мне всё равно, какое направление ты развиваешь. Пока.

— Почему пока?

— Потому что сначала я должна понять, что вы продаёте.

Игорь Павлович посмотрел на Олега. Тот посмотрел на него.

— Я же говорил, хорошая.

— Пока вижу, что строгая.

Елена уже листала инструкцию. Сначала оригинал. Потом русский перевод. Перевернула страницу. Вернулась назад. Прочитала ещё раз.

— Кто это делал?

— Переводчик, — сказал Олег.

— Это я поняла.

— Студент.
— Что изучает?
— Английский.
— Пусть изучает дальше.
Олег обиделся за студента.
— Нормальный парень.
— Возможно.
Она передала лист Игорю Павловичу.
— Вот здесь написано, что перед включением аппарат надо отсоединить от сети.
— Это разумно.
— А дальше по переводу его в отсоединённом состоянии надо включить.
Игорь Павлович прочитал. Действительно.
— Интересная техника.
— Самодостаточная.
Елена взяла ещё страницу.
— А здесь «ground» переведено как «земля».
— Правильно же.
— Если вы огород продаёте — правильно.
Олег начал смеяться.
— Ну ладно, Лена. Сделаешь?
— Сделаю.
— Быстро?
— Нет.
Олег перестал смеяться.
— Почему?
— Потому что быстро уже сделали.

Тоже справедливо. Игорь Павловичу она начала нравиться. Не как женщина. Пока. Просто нравились люди, которые не тратят много слов там, где можно сказать одно. Хотя сам он в прежней жизни этим качеством особенно не отличался. Возраст вообще не делает человека автоматически мудрым. Он просто даёт больше времени понять, какие именно глупости ты совершаешь регулярно. Некоторые продолжал совершать до девяноста четырёх. Елена села за стол. Спросила, какая модель будет основной. Игорь Павлович принёс аппарат. Она стала сравнивать надписи на корпусе с инструкцией. Не торопилась. Олег минут пять терпел, потом ушёл звонить клиенту. Наступила тишина. Игорь Павлович сначала занимался своими бумагами.

Потом заметил, что смотрит, как она работает. Елена выписывала технические слова отдельно. Что-то подчёркивала. Несколько раз подходила к аппарату.

— Вы им пользовались? — спросила она.
— Пытался.
— Получилось?
— В конце концов.
— Значит, инструкция не обязательна.
— Для меня.
— А для клиента?
— Клиент должен думать, что мы о нём заботимся.
Она подняла глаза.
— А вы не заботитесь?
— За его деньги — очень.
— Честно.
— Стараюсь.

Она снова уткнулась в бумаги. Игорь Павлович понял, что сказал что-то не совсем так. Раньше ему было всё равно. Сейчас почему-то захотелось объяснить.

— Я не это имел в виду.

— Я поняла.

— Тогда хорошо.

— Владимир, если вы каждый раз будете объяснять то, что я уже поняла, мы закончим к следующему году.

Игорь Павлович замолчал. Характер имелся. Это тоже хорошо. Люди без характера удобны минут двадцать. Потом с ними становится скучно. Он занялся коробками. Надо было проверить четыре аппарата из новой партии. Один включился нормально. Второй тоже. Третий не включился. Игорь Павлович проверил розетку. Провод. Переключатель напряжения. Всё правильно. Попробовал ещё раз. Ничего.

— Олег!

Тот выглянул из соседней комнаты.

— Чего?

— Ещё один дохлый.

— Не может быть.

Универсальная фраза. Если врач говорит «не может быть» — значит, анализ плохой. Если автомеханик — значит, ремонт будет дорогой. Если продавец — скорее всего, товар действительно сломан. Олег подошёл. Потыкав кнопки ровно в той же последовательности, получил тот же результат.

— Вчера работал.

— Вчера и я работал лучше.

— Давай ещё.

— Чего ещё?

— Включим.

— Он от количества попыток не починится.

— Иногда контакт.

— Иногда пожар.

Елена подняла голову.

— Если загорится, скажите заранее. Я пальто заберу.

Игорь Павлович засмеялся.

— Видите? Уже заинтересована в нашем бизнесе.

Олег махнул рукой и ушёл. Аппарат решили отложить мастеру. Елена продолжила работу. Игорь Павлович обнаружил рядом с коробками старую табуретку. Одна ножка шаталась. Почему-то занялся ею. Никакой необходимости не было. Можно было выбросить. Но руки Владимира увидели винт, нашли отвёртку, затянули. Потом выяснилось, что расшаталось ещё соединение. Минут десять ушло на совершенно бессмысленный ремонт табуретки стоимостью, наверное, меньше хорошего обеда. После этого сидеть на ней стало значительно приятнее. Человек вообще любит чинить вещи, которые может понять. С людьми сложнее. Там винт не подтянешь. Хотя иногда очень хочется.

— Готово, — сказала Елена.

Игорь Павлович посмотрел на табуретку.

— Что?

— Я говорю, первый раздел готов.

— А. Хорошо.

Она заметила отвёртку.

— Вы мебель ремонтируете?

— Теперь да.

— Универсальная фирма.

— Сегодня факсы, завтра табуретки. Главное — развитие.

Елена улыбнулась. Первый раз нормально. Улыбка её немного меняла. Вот тут Игорь Павлович неожиданно заметил, что женщина красивая. Не красавица. Именно красивая. Та разница, которую в двадцать лет обычно не понимаешь. В двадцать красота измеряется довольно просто: ноги, грудь, лицо. К шестидесяти начинаешь замечать голос, руки, то, как человек смотрит, смеётся, молчит. В девяносто четыре красивых женщин вообще становится очень много. Главное, чтобы не врачи. Игорь Павлович отвёл глаза. Совсем ещё чего не хватало. Организму сорок два. Вот организм пусть и думает. Самому уже поздно. Или рано. Чёрт разберёт. Постепенно приехал Олегов помощник, привёз коробку переходников.

Половина оказалась не та. Все вместе минут двадцать выясняли, кто виноват. Виноватого не нашли. Переходники всё равно были не те. Помощник уехал менять. Игорь Павлович сделал чай. Елена отказалась. Через пять минут сама спросила:

— Остался?

— Чай?

— Нет, виски.

Он посмотрел.

— В рабочее время?

— Поэтому и спрашиваю про чай.

Налил. Сахар она не положила. Игорь Павлович положил две ложки. Владимир любил сладкий. Сам Игорь Павлович когда-то пил без сахара. Теперь пил с двумя. В первые дни такие мелочи раздражали. Потом перестал разбираться. Какая разница, кто именно любит сладкий чай, если пьёт его один человек? Мысль показалась немного опасной. Он не стал продолжать. Иногда лучше не копать глубоко. Особенно если не уверен, что хочешь узнать, что там лежит. Елена снова работала. Потом телефон на столе зазвонил. Олега рядом не было. Она подняла трубку.

— Да?

Послушала.

— Антон, я на работе.

Пауза.

— На столе.

Ещё пауза.

— Под газетой.

Игорь Павлович невольно слушал.

— Потому что я положила под газету... Нет, холодильник тут ни при чём... Антон!

Она закрыла глаза.

— Деньги под газетой. На кухне. Возьми столько, сколько я сказала. Не всё.

Послушала.

— Потому что мне ещё жить надо.

Трубку положила. Игорь Павлович улыбнулся.

— Сын?

— Видно?

— Очень.

— Тринадцать.

— Хороший возраст.

— Для кого?

— Для соседей.

Елена усмехнулась.

— У вас дети есть?

Вопрос оказался простым. Ответ почему-то задержался.

— Есть.

Не «у Владимира». Есть.

— Сколько?

— Двое.

— Большие?

— Уже.

— Вместе живёте?

— Нет.

Елена не стала спрашивать почему. Это понравилось. Очень многие люди, услышав начало чужой биографии, сразу хотят получить весь сериал. Разведён? Почему? Кто виноват? С кем дети? Платишь алименты? Особенно хорошо это умеют малознакомые женщины и совершенно незнакомые таксисты. Елена только сказала:

— Удобно.

— Что именно?

— Дети есть, а живут в другом месте.

— Очень удобная модель отцовства.

Она посмотрела на него.

— Обиделись?

— Нет.

Немного. Но не на неё.

— Я тоже разведена, — сказала Елена.

И снова уткнулась в инструкцию. Всё. Без истории бывшего мужа. Без объяснения, какой негодяй. Игорь Павловичу стало даже интересно. Но спрашивать не стал. Если человек сам не рассказывает, значит, пока не хочет. Очень простое правило, которое люди почему-то осваивают годам к семидесяти. Не все. К двум часам первая часть перевода была готова. Олег посмотрел. Ему понравилось. Потом узнал цену. Перестало. Он минут десять торговался. Елена не уступала. Игорь Павлович наблюдал. Олег объяснял, что они только начинают. Что дальше будет много работы. Что это практически постоянный клиент. Что надо войти в положение. Елена входить не хотела. В конце концов Олег произнёс:

— Я за такие деньги сам переведу.

Она посмотрела на старый перевод.

— Уже.

На этом переговоры закончились. Игорь Павлович согласился платить. Олег потом отвёл его в сторону.

— Ты чего?

— А чего?

— Дорого.

— Нормально.

— Можно дешевле.

— Можно.

— Так зачем?

Игорь Павлович посмотрел на перевод.

— Потому что она умеет.

— Подумаешь.

— Олеж, мы с тобой умеем продавать плохо, ремонтировать средне и переводить никак. Хоть кто-то здесь должен что-то уметь хорошо.

Олег подумал.

— Я хорошо продаю.

— Хорошо. Уже двое.

После обеда Елена сказала, что ей надо уехать в редакцию. Остальное сделает дома. Сложила бумаги. Надела пальто. Игорь Павлович помог ей найти ручку, которая всё это время лежала у неё под папкой. Такие вещи почему-то случаются постоянно. Человек может перевести тридцать страниц технического текста и пять минут искать предмет в двадцати сантиметрах от себя. Проводил до двери. Не специально. Просто оказался рядом.

— Завтра принесу вторую часть.

— Хорошо.

Она уже открыла дверь. Потом посмотрела на его руки. На костяшках ещё оставались следы недавних приключений.

— Вы чем занимаетесь кроме факсов и табуреток?

Игорь Павлович машинально спрятал руку в карман.

— Ничем.

— А руки?

— Упал.

Елена посмотрела на правую. Потом на левую.

— Долго падали?

Игорь Павлович усмехнулся.

— Неудачно.

— Понятно.

И всё. Не стала спрашивать. Ушла. Игорь Павлович ещё несколько секунд смотрел на закрытую дверь. Потом вернулся к столу. Олег стоял возле коробок. Ухмылялся.

— Чего?

— Ничего.

— Вот и отлично.

— Понравилась?

Игорь Павлович взял бумаги.

— Переводит хорошо.

— Я не про перевод.

— А я про перевод.

— Понятно.

— Что тебе всё понятно?

— Ничего. Поэтому и интересно.

Игорь Павлович бросил в него карандашом. Не попал. Навык стрельбы действительно требовал совершенствования. Олег поднял карандаш.

— Видишь? Даже судьба против насилия.

— Верни.

— На.

Работали ещё часа два. Потом Олег уехал по каким-то своим делам. Игорь Павлович остался один. Закрыл склад. Пошёл пешком до метро. Можно было доехать автобусом, но не хотелось. Воздух был холодный, обычный московский. Под ногами грязь. Машины сигналили. Возле метро женщина продавала цветы прямо из картонной коробки. Игорь Павлович прошёл мимо. Потом вернулся. Сам не понял зачем. Посмотрел на цветы. Покупать было некому. Машке? Глупость. Жанне? Можно, но без причины странно. Елене? Вот уж совсем. Переводчица первый день работает, а заказчик уже с цветами. Ещё решит, что вместо оплаты пытаются рассчитаться букетом. Игорь Павлович пошёл дальше. Женщина вслед сказала:

— Мужчина, недорого!

Он даже обернулся. «Мужчина». Не дедушка. До этого до сих пор иногда было трудно привыкнуть. В метро народу было много. Игорь Павлович встал возле двери. Держался за пору-

чень. Напротив сидела пожилая женщина и всё время на него смотрела. Сначала Игорь Павлович решил, что узнала. Потом вспомнил — кого? Владимира? Его самого? Никого из них эта женщина знать не могла. На следующей остановке она вдруг сказала:

— Молодой человек, у вас куртка сзади белая.

Игорь Павлович попытался посмотреть. Не получилось. Провёл рукой. Мел. Наверное, на складе прислонился к стене.

— Спасибо.

Женщина кивнула. Вот и вся тайна. Последнее время он в любом взгляде начинал искать второй смысл. Очень неудобная привычка. Если долго живёшь среди опасности, обычный мир становится подозрительным. А если долго живёшь в обычном мире, опасность кажется невозможной. И то и другое плохо. Наверно, нормальная жизнь находится где-то посередине. Дома Игорь Павлович поел. В холодильнике постепенно появился порядок. Яйца. Колбаса. Сыр. Масло. Две банки консервов. Полбутылки кефира. Сгущёнка всё ещё стояла нетронутая. Он посмотрел на неё. Открывать не стал. Пусть будет. Вещи иногда нужны не потому, что ими пользуешься. Просто приятно знать, что они есть. Как деньги. Как запасной ключ.

Как человек, которому можно позвонить. Последнее подумалось неожиданно. Кому он сейчас мог позвонить? Николаю Евгеньевичу — если случилось что-то плохое. Машке — если очень надо. Олегу — по работе. Жанне — просто так. Уже неплохо. Ещё месяц назад у Владимира список был примерно такой же, но смысл другой. Игорь Павлович включил телевизор. Через десять минут выключил. Почитал газету. Новости девяносто четвёртого года выглядели особенно странно, когда знаешь, чем часть из них закончится. Некоторые фамилии через тридцать лет забудут. Некоторые, наоборот, только появятся. Какие-то события сейчас занимают полосу, а в будущем останутся одной строчкой.

И наоборот — о важнейших вещах сегодняшняя газета ещё вообще не знает. Так, наверное, всегда. Человек думает, что живёт в настоящем. На самом деле живёт в черновике истории, который потом кто-нибудь сильно сократит. Игорь Павлович отложил газету. Телефон зазвонил. Он посмотрел на аппарат. Вчера такой звонок уже оказался старушкой с Галочкой. Сегодня мог быть кто угодно. Снял.

— Да.

— Владимир?

Николай Евгеньевич. Игорь Павлович почему-то сразу сел.

— Слушаю.

— Завтра свободны?

Первое желание — ответить: «Нет». Не потому что занят. Просто проверить обещание. Можно ли действительно отказаться? Но любопытство оказалось сильнее.

— Смотря для чего.

— Есть небольшая работа.

Вот оно. Игорь Павлович посмотрел на стол. На бумаги Олега. На расчёты. На записанный телефон Елены, оставленный в углу листа. На пакет с переходниками, который зачем-то принёс домой. Обычная жизнь успела начаться. Даже понравилась. И именно поэтому звонок Николая Евгеньевича прозвучал иначе, чем раньше. Тогда опасность была всей жизнью. Теперь она собиралась в неё войти.

— Какая работа?

— Найти человека.

Игорь Павлович немного подождал.

— И всё?

— Для начала.

Нехорошие слова. Особенно последнее.

— Кто потерялся?

— Завтра расскажу.

— Живой?

Пауза.

— Надеемся.

Игорь Павлович перестал улыбаться. Вот теперь стало интересно. И немного страшно. Что, впрочем, тоже было знакомо.

— Где встречаемся?

Николай Евгеньевич назвал место и время.

— И, Владимир...

— Что?

— Никому пока не говорите.

— Я обычно объявления в газету не даю.

— На этот раз особенно.

Трубку положили. Игорь Павлович ещё немного сидел. Потом встал. Проверил замок. Зачем-то посмотрел в окно. Внизу стояли машины. Люди шли домой. Ничего подозрительного. Красная шапочка лежала в шкафу. Он открыл дверцу. Посмотрел. Закрыл. Потом снова открыл и переложил шапочку поближе. На всякий случай. Я ведь уже знал, чем обычно заканчивается выражение «небольшая работа». Стоп. Игорь Павлович замер. Я знал. Не Владимир. Не старик, сидящий внутри другого человека. Просто я. Мысль мелькнула и ушла. Разбираться с ней сегодня не хотелось. Завтра предстояло найти какого-то человека. Николай Евгеньевич сказал, что работа небольшая. Почему-то именно это и беспокоило больше всего.

ГЛАВА 6
НАЙТИ ЧЕЛОВЕКА

Утром Игорь Павлович проснулся за пять минут до будильника. Будильника, правда, не было. Просто посмотрел на часы — без пяти семь. Организм явно решил, что новая жизнь требует дисциплины. Игорь Павлович был с ним не согласен. До встречи с Николаем Евгеньевичем оставалось почти три часа. Можно было ещё поспать. Но сон уже ушёл. Он полежал немного, потом встал. На кухне выпил чай, съел бутерброд. Почему-то хотелось есть больше обычного. Наверное, молодой организм, наконец, понял, что его никто сегодня убивать не собирается, и решил заняться более важными делами. Вчерашний разговор вспоминался сам. «Найти человека». Очень простая работа. Такие слова всегда настораживают.

Если тебе говорят: «Надо всего лишь отвезти пакет», в пакете обычно лежит что-нибудь незаконное. Если говорят: «Просто поговори с человеком», человек почему-то оказывается вооружён. А уж если Николай Евгеньевич говорит «небольшая работа», лучше заранее проверить, где лежит красная шапочка. Игорь Павлович открыл шкаф. Шапочка лежала на месте. Он даже доставать её не стал. Это уже начинало превращаться в суеверие. Люди вообще быстро придумывают себе талисманы. Особенно если однажды совершенно случайно вещь оказалась рядом в нужную минуту. Потом уже неважно, помогла она или просто не мешала. Кто-то носит счастливую монетку. Кто-то часы от отца.

У Игоря Павловича пока получалась красная лыжная шапка. Очень достойно. Перед выходом он позвонил Олегу. Сказал, что сегодня не приедет. Олег сразу спросил почему.

— Дела.

— Какие?

— Разные.

— Опять твои загадочные дела?

— Олег, если я начну рассказывать тебе все свои дела, работать будет некогда.

— Понял.

Олег ничего не понял. Но отстал. Ещё минуту Игорь Павлович смотрел на бумажку с телефоном Елены. Звонить ей необходимости не было. Перевод должна принести вечером. Значит, и не надо. Бумажку всё равно почему-то переложил из-под сахарницы на полку. Чтобы не потерялась. Никакого особого смысла в этом не было. Просто переложил. На встречу приехал заранее. Уже не за сорок минут. За пятнадцать. Прогресс. Бессонова возле дома не обнаружил. Это, конечно, ничего не значило. После вчерашнего Игорь Павлович окончательно понял: если Бессонов хочет быть незаметным, проще считать, что он где-то рядом, и не тратить время. В этот раз встречались в другом месте.

Небольшой кабинет на первом этаже какого-то учреждения. За дверью сидела секретарша и что-то печатала. Николай Евгеньевич был один. На столе лежала тонкая папка. Игорь Павлович посмотрел на неё. Папка посмотрела в ответ. Именно такие предметы больше всего раздражают. Пока она закрыта, внутри может быть всё что угодно. А когда откроешь — назад уже не закроешь так, чтобы ничего не знать.

— Садитесь.

Игорь Павлович сел. Николай Евгеньевич подвинул папку ближе.

— Сергей Михайлович Рогов.

Фотография. Мужчина лет пятидесяти с небольшим. Обычное лицо. Редкие волосы. Очки. Немного сутулый. Таких инженеров в Москве тысячи. Игорь Павлович взял снимок.

— Кто?

— Инженер.

— Уже легче.

— Почему?

— Если бы сказали «киллер», я бы ушёл.

Николай Евгеньевич даже не улыбнулся.

— Московский завод точной автоматики.

— Знаю.

Это выскочило сразу. Владимир действительно знал предприятие. Не работал там, но пересекался когда-то по поставкам. Оборонка. Какие-то приборы. Большая территория. Много цехов. В прежние времена предприятие жило неплохо. Сейчас — как все. То есть неизвестно как.

— Что с ним?

Николай Евгеньевич открыл папку. Несколько бумаг. Фотография. Адрес. Копия паспорта. Анкета.

— Пропал.

— Давно?

— Девять дней.

— Милиция ищет?

— Ищет.

— Нашли?

— Нет.

— Родственники?

— Жена умерла три года назад. Сын живёт отдельно. Дочь замужем, в другом городе.

Игорь Павлович листал бумаги. Ничего особенного. Пятьдесят три года. Инженер. Живёт один. Работает на одном месте почти тридцать лет. Не судим. За границу не ездил. Машины нет. В общем, нормальная человеческая биография. Именно такие обычно хуже всего подходят для исчезновения. Человек, который всю жизнь спокойно ходил из дома на работу, вдруг не возвращается. Если бандит пропал — понятно. Если бизнесмен — вариантов тоже достаточно. А инженер? Может, запил. Может, женщина. Может, просто надоело всё. Последний вариант Игорь Павловичу даже понравился. Иногда человек сорок лет живёт правильно, а потом однажды просыпается и думает: пошли вы все. Очень здоровая мысль. Жалко, приходит поздно.

— Что случилось перед исчезновением?

— Вот это и интересно.

Николай Евгеньевич достал ещё один лист.

— На предприятии идёт приватизация.

— Сейчас везде идёт.

— У Рогова был конфликт с руководством.

— Из-за чего?

— Не знаем.

— А милиция?

— Считает, что из-за денег.

— Каких денег?

— Есть фирма, которая утверждает, что он должен им крупную сумму.

— Сколько?

Николай Евгеньевич назвал. Игорь Павлович присвистнул. Для инженера — очень прилично.

— Откуда?

— Вот именно.

В папке лежала копия какого-то обязательства. Подпись Рогова. Игорь Павлович посмотрел.

— Настоящая?

— Похоже.

— Значит, занял.

— Возможно.

— И сбежал.

— Возможно.

— Тогда зачем я?

Николай Евгеньевич закрыл папку.

— Потому что его ищем не только мы.

Вот теперь стало интереснее.

— Кто ещё?

— Люди фирмы, которой он должен.

— Бандиты?

— Не обязательно.

— Это что значит?

— Значит, не надо каждого человека в кожаной куртке автоматически считать бандитом.

— А если он с пистолетом?

— Тогда можно.

Николай Евгеньевич встал, подошёл к окну. Игорь Павлович уже замечал: когда тот собирался сказать не всё, начинал ходить. Может, совпадение. Может, привычка. У любого человека есть признаки вранья. Один трогает нос, другой начинает говорить слишком подробно. Николай Евгеньевич, похоже, начинал прогуливаться по кабинету.

— Кроме этой фирмы Роговым интересуются ещё несколько людей.

— Каких?

— Пока неважно.

— Для кого?

— Для вас.

— Хороший ответ.

Игорь Павлович положил фотографию на стол.

— Значит, мне надо его найти.

— Да.

— И что потом?

— Ничего.

— Совсем?

— Сообщите мне, где он находится.

— Привезти?

— Нет.

— Поговорить?

— Только если понадобится для поиска.

— Задержать?

— Нет.

— Передать кому-то?

— Нет.

Игорь Павлович задумался. Вот здесь как раз и начиналось странное. Человек нужен государственным людям. Они его ищут. Но брать не хотят. Только узнать место.

— Он что-то сделал?

— Возможно.

— Что?

— Не знаю.

— Не знаете или не говорите?

Николай Евгеньевич посмотрел.

— Хороший вопрос.

— Ответ?

— Пока не говорю.

Ну вот. Приехали. Игорь Павлович уже начал привыкать к этой манере. Государственная тайна — удивительная вещь. Чем меньше тебе сообщают, тем больше от тебя хотят.

— Почему ваши не могут найти?

Вот это интересовало больше всего. Если Бессонов способен полдня идти за человеком так, что тот его вообще не видит, наверное, есть и другие сотрудники. Николай Евгеньевич вернулся к столу.

— Могут.

— Тогда ещё раз: зачем я?

— Потому что они уже ищут.

— Не понял.

— Именно поэтому.

Игорь Павлович молчал. Николай Евгеньевич взял фотографию.

— Владимир, если к людям Рогова начинают приходить сотрудники милиции, что они говорят?

— Правду не говорят.

— Если приходят мои люди?

— Тем более.

— Если приходят люди той фирмы?

— Закрывают дверь.

— Правильно.

Он положил фотографию обратно.

— А если приходит мужик лет сорока, бывший инженер, который ищет работу, хочет что-то купить, продать, устроиться, договориться?

Игорь Павлович посмотрел на себя мысленно. Куртка. Брюки. Никакой формы. Никакой уверенности профессионального оперативника. Вполне.

— Значит, я должен изображать обычного человека?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы им и являетесь.

Это прозвучало немного обидно.

— Спасибо.

— И это ваше главное преимущество.

— Всё лучше и лучше.

Николай Евгеньевич слегка улыбнулся.

— Наш человек выглядит как человек, который ищет.

— А я?

— А вы выглядите как человек, который сам чего-то потерял.

Игорь Павлович сначала хотел отшутиться. Потом передумал. Попал. Точно попал. Владимир потерял семью. Работу. Обычную жизнь. Игорь Павлович вообще потерял собственную жизнь, возраст, тело и тридцать лет истории. Правда, кое-что приобрёл. Но баланс пока считать было рано. Он забрал папку.

— Что мне можно?

— Почти всё законное.
— Очень размыто.
— Спрашивать. Смотреть. Разговаривать.
— Деньги?
— В разумных пределах компенсируем.
— Машина?
— Нужна?
Игорь Павлович вспомнил собственные водительские навыки.
— Нет.
— Вот и прекрасно.
— Оружие?
— Нет.
Ответ мгновенный.
— А если понадобится?
— Позвоните Бессонову.
— А если звонить некогда?
— Убегайте.

Игорь Павлович вздохнул. Учебная программа у них была простая. Любая сложная ситуация решается Бессоновым. Если Бессонова нет — ногами.

— Сколько времени?
— Чем быстрее, тем лучше.
— День?
— Хорошо.
— Неделя?
— Уже плохо.
— Почему?
Николай Евгеньевич немного помолчал.
— Потому что за девять дней человек либо хорошо спрятался, либо ему помогли.
— Или он уже мёртв.
— Или так.

Сказано спокойно. Без драматизма. И от этого фотография на столе сразу стала другой. Пока смотришь на неё как на анкету — обычный инженер. Когда допускаешь, что человека уже нет, лицо почему-то начинает казаться живым. Так работает голова. Фотографии умерших всегда выглядят иначе, хотя бумага та же самая. Игорь Павлович сунул снимок в папку.

— С чего начинать?
— Это уже ваша часть работы.
— Очень удобно.
— Именно поэтому вас и позвали.

На этом встреча закончилась. Николай Евгеньевич больше ничего не сказал. Игорь Павлович вышел на улицу. Папка лежала в сумке. Вроде ничего не изменилось. Москва та же. Люди спешат. Машины. Киоск. Кто-то продаёт газеты. Мужчина тащит две коробки. У магазина спорят из-за сдачи. А где-то в этом огромном городе девять дней отсутствует Сергей Михайлович Рогов. Может, сидит у женщины и не хочет никого видеть. Может, пьёт на даче. Может, уехал. Может, лежит в морге как неизвестный. В Москве человек исчезает удивительно легко. Миллионы людей рядом создают не безопасность, а наоборот. В деревне чужого сразу заметят.

А здесь можно прожить в соседней квартире пять лет и не знать фамилии человека за стеной. Игорь Павлович сел в метро. Папку не открывал. Сначала решил поехать домой. Потом передумал. Если возвращаться домой после каждого решения, половина жизни уйдёт на дорогу. Поехал на завод. Московский завод точной автоматики занимал большую территорию.

Когда-то такие предприятия строили как отдельные города. Корпуса. Проходные. Столовая. Медпункт. Своя котельная. Тысячи людей. Человек мог двадцать лет работать в соседнем цехе и не знать половину предприятия. Сейчас территория выглядела уставшей. Не разрушенной. Именно уставшей. Вывеска ещё висела. Через проходную ходили люди.

Возле ворот стояли грузовики. Но по ограде уже появились объявления каких-то арендаторов. Первый признак новой эпохи: завод ещё делает неизвестно что, зато в бывшем инструментальном цехе уже продают мебель, в складе открыли автосервис, а в административном корпусе сидят три фирмы с названиями на английском. Через пару лет таких будет ещё больше. Игорь Павлович остановился перед проходной. Вот и всё. Началось. Никакого плана не было. Можно показать удостоверение? Нет удостоверения. Можно сказать, что от Николая Евгеньевича? Нельзя. Можно искать Рогова в лоб? Глупо. Он прошёл вдоль забора. Возле ворот висело объявление: ТРЕБУЮТСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ Ниже список. Токарь. Фрезеровщик. Инженер-технолог.

Наладчик. Электрик. Игорь Павлович ещё раз прочитал. Улыбнулся. Вот и легенда. Даже придумывать ничего не пришлось. Вернулся к проходной. За стеклом сидела женщина лет пятидесяти и вязала что-то зелёное. Почему-то все серьёзные учреждения охраняли женщины, которые вязали. Наверное, секретная система.

— Вам куда?

— По работе.

— В смысле?

Игорь Павлович показал на объявление.

— Инженер.

Женщина посмотрела на него. Потом на объявление.

— Кадры во втором корпусе.

— Как пройти?

— Пропуск нужен.

— А где взять?

Она тяжело вздохнула. Человек пришёл искать работу и уже создал проблему. Пришлось объяснять. Записали фамилию. Паспорт. Выдали бумажку. Игорь Павлович прошёл внутрь. На территории пахло металлом, сыростью и столовой. Этот запах память Владимира узнала сразу. Завод. Не конкретный. Просто завод. Удивительно, как похожи предприятия друг на друга. Те же трубы. Те же тележки. Те же мужики в спецовках. Те же женщины, которые идут куда-то быстрее всех мужчин. Вот здесь Владимир был своим. Игорь Павлович вдруг почувствовал это очень ясно. Не кабинет Николая Евгеньевича. Не Кутузов. Не рынок. Завод. Руки сами знали, куда смотреть. Что означает шум. Почему тележка стоит возле двери.

Где обычно находится технолог. Как разговаривает мастер. Кто действительно работает, а кто просто идёт с очень деловым видом. Он прошёл метров сто и впервые понял, что легенда с инженером получилась слишком хорошей. Потому что играть почти не надо. В отделе кадров сидели две женщины. Одна разговаривала по телефону. Вторая заполняла какую-то таблицу. Игорь Павлович объяснил, что ищет работу инженера. Получил анкету. Вот этого он не ожидал. Сел заполнять. Фамилия. Имя. Отчество. Возраст. Образование. Опыт. Память Владимира всё выдала без запинки. Игорь Павлович писал. Странное ощущение. Анкета была про него. И не про него. Раньше этот вопрос мучил. Теперь меньше.

Какая разница, кто окончил институт тридцать лет назад, если знания сидят в моей голове? Опять. В моей. Он даже писать перестал. Посмотрел на ручку. Потом продолжил. Не время. Женщина забрала анкету.

— Подождите.

Игорь Павлович ждал минут двадцать. За это время рядом прошло человек десять. Один спрашивал расчёт. Другой ругался из-за трудовой книжки. Женщина в синем халате принесла

какой-то список. Ничего важного. И это было полезно. В настоящей жизни девяносто процентов времени ничего важного не происходит. Люди ждут, курят, ищут ручку, не могут дозвониться, выясняют, куда положили справку. Если выкинуть всё это из жизни, останется очень динамичный роман. И очень короткий. Игорь Павлович усмехнулся. Видимо, судьба решила добавить объёма. Наконец его позвали. Начальник отдела кадров посмотрел анкету. Поговорили минут десять. Работа действительно была. Зарплата смешная.

Игорь Павлович честно поинтересовался условиями. Потом сказал, что подумает. Уже возле двери спросил:

— Я тут раньше знакомого знал. Рогов Сергей Михайлович. Он ещё работает?

Вопрос прозвучал естественно. Начальник кадров поднял голову. Вот. Совсем небольшое движение. Но заметное.

— А вы откуда его знаете?

Игорь Павлович пожал плечами.

— Пересекались когда-то.

— Где?

Слишком быстро. Если человек просто работает — ответили бы «да» или «нет». А тут сразу встречный вопрос.

— По старой работе.

— Давно?

— Лет пять назад.

Начальник кадров закрыл папку с анкетой.

— Он сейчас не работает.

— Уволился?

— Нет.

Пауза.

— В отпуске?

— Не знаю.

Очень интересный кадровик. Он обязан знать.

— А где его найти?

— Не могу сказать.

— Понятно.

Игорь Павлович не стал давить. Поднялся.

— Спасибо.

— Если по работе решите — звоните.

— Хорошо.

Он вышел. Первый результат. Маленький. Но уже что-то. Люди на заводе знают, что Рогов исчез. И почему-то не хотят об этом говорить. В коридоре навстречу шёл пожилой мужчина в рабочем халате. Увидел Игоря Павловича, потом дверь отдела кадров.

— Устраиваешься?

— Думаю.

Мужчина усмехнулся.

— Думай лучше.

И пошёл дальше. Игорь Павлович обернулся.

— А что?

Тот остановился.

— Да ничего.

— Работа плохая?

— Работа хорошая. Денег нет.

— А где есть?

Мужчина засмеялся.
— Правильно говоришь.
Подошёл ближе. Пахло табаком и машинным маслом.
— Инженер?
— Был.
— Тут все были. Теперь кто чем.
Несколько секунд постояли. Игорь Павлович решил рискнуть.
— Рогова знаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.